

Жанна Тевлина

Жизнь Бабочки

В романах Жанны Тевлиной особое чувство стиля,
обусловленное интуицией и умением
балансировать между «великим и смешным»...

Евгений Евтушенко

Счастливый случай (Рипол)

Жанна Тевлина

Жизнь бабочки

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тевлина Ж.

Жизнь бабочки / Ж. Тевлина — «РИПОЛ Классик»,
2016 — (Счастливый случай (Рипол))

ISBN 978-5-386-08863-7

Эта книга о нашей жизни, где одни патологичны, а другие лечат эту патологию, хотя порой могли бы поменяться местами. Здесь героиня, познавшая способность любить, чувствует себя последней грешницей, а главный герой, психотерапевт, пытается помочь ей, не веря в саму возможность такой помощи. Это книга о скрытых талантах и тайных извращениях, где мужчина препарирует свою сущность, так как не способен полюбить женщину, и от безысходности мстит всему миру. Эта книга о любви...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-08863-7

© Тевлина Ж., 2016
© РИПОЛ Классик, 2016

Жанна Тевлина

Жизнь бабочки

Посвящается моему мужу, самому любимому, самому лучшему на свете

© Тевлина Ж., текст, 2016

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2016

Ночью она увидела маму. Та выглядела озабоченной, какой Маня привыкла ее видеть. Мама ходила по комнатам, осматривая их, как будто раньше здесь не бывала. Комнаты были темные и заставленные, как после переезда. Маня шла за ней, а сама ждала, когда та останется. Наконец мама присела у окна. Там стоял маленький бабушкин диванчик, который давно собирались выбросить. Мама явно была настроена говорить, а Маня боялась этого разговора, но та сидела молча, о чем-то задумавшись, и этой задумчивости Маня тоже боялась. Мама подняла глаза и улыбнулась. И Маня разревелась. Она помнила, что ревела долго, и с каждой минутой становилось легче, как давно не бывало наяву.

Мама сказала:

– Ну, что ты реवेशь, дурочка?

Маня хотела ответить, что ей плохо одной, но почему-то не могла.

– Ты должна говорить, не молчать.

Маня выкрикнула:

– Тебя же нет!

– Я тут, тут... Ты у меня самая лучшая, только очень глупая... Все хочешь сама, как большая... Вот я же тоже большая, а обо всем с папой советуюсь.

Голос убаюкивал, и Маня проваливалась в сладкую дрему. Она очнулась оттого, что голос стал затихать. Закричала громко.

– С кем же я буду советоваться?!

Голос становился все тише и монотоннее.

– Ты не упрямься... Все расскажи... Все по порядку... И вместе вы что-нибудь придумаете...

Потом она долго лежала и плакала и вспоминала сон до мельчайших деталей, стараясь удержать их в памяти как можно дольше. Но очень скоро ощущение последствия ушло, и осталась одна пустота.

На работе во время летучки она наткнулась на эту визитку. Летучку устроили неожиданно, середине рабочего дня. Такое у них и раньше случалось, и никто уже не возмущался. Потом подолгу обсуждали в курилке очередную выдумку начальства, которому не живется спокойно, и эти перекуры отчасти компенсировали потерянные время и нервы.

Первые пять минут Маня пыталась слушать, а потом о чем-то задумалась, и главный персонально окликнул ее. Оказывается, все вокруг что-то писали, и она спешно вытащила из сумки записную книжку, и из нее вывалилась визитка. Антон Леонидович Градов. Психотерапевт. Она вспомнила, как две недели назад приезжала Ленка Кудрявцева, и Маня не выдержала и рассказала ей об очередном скандале с Петей и о том, что этому предшествовало. Получилось сумбурно, и стало только хуже, и она опять ругала себя за болтливость. Ленка отреагировала в своей обычной манере, сообщила, что у нее на работе уже борются с негативными жизненными проявлениями, посещают специалистов. Выяснилось, что и Мане пора обратить на себя пристальное внимание. Чем черт не шутит! Ленка порылась в сумке и

вытащила эту визитку. Маня вначале подумала, что к психотерапевту следует отвести Петю, начала объяснять, что это нереально. Но оказалось, что она сама должна его посетить. Они еще немного посмеялись над уродливыми коллизиями жизни и путями выхода из них. С Ленкой ни о чем нельзя было говорить серьезно. С одной стороны, это позволяло спрятаться и не раскрываться до конца, но и облегчения не приносило.

За визитку она тогда обиделась. Сунула ее в записную книжку и забыла. Она ничего не выбрасывала сразу.

Воровато оглядевшись, она быстро запихнула ее обратно в книжку. А вечером позвонил Мансуров. Тон его был, как всегда, требовательным, и Маня хотела ответить резко, как готовилась, но опять ничего не вышло.

– А я уже думал, что вы не хотите со мной разговаривать. Третий раз набираю.

– Ой, а я не слышала. На кухне вода текла.

– Так вы еще и на кухне?!

Маня испугалась.

– У меня выходной сегодня. Но я проглядела рукопись...

– Проглядели? Мне кажется, вы много чего там проглядели.

– А что, какие-то проблемы?

Он громко вздохнул. Очевидно, что он держал ее за идиотку, и она каждый раз ему в этом подыгрывала.

– Много проблем, Манечка. Мы же с вами говорили, неоднократно говорили, что то, что я рассказываю, нельзя извращать. Нельзя! Смысл теряется.

– А я не извращаю.

Он еще долго что-то говорил, а она оправдывалась, и было невыносимо это слушать, и ей хотелось крикнуть, чтобы он замолчал и наконец услышал ее, и тогда бы она все ему объяснила.

Она достала градовскую визитку и записалась на прием без проблем.

Во сне ехали на дачу. Электричка была полупустая, и Градов даже сидел у окна. Он любил считать проплывающие за стеклами деревья, иногда что-то отвлекало, и он сбивался, а потом начинал заново. Маня о чем-то говорила с тетей Кларой, о какой-то ерунде вроде клубничных грядок на соседском участке. Градов привык к мысли, что соседские грядки особенные. Правда, были моменты, когда вдруг становилось обидно, и он просил отца, даже требовал, чтобы они посадили такие же, и отец как-то всегда путано объяснял, что такие у них все равно не получатся, но надо пытаться. И вроде бы даже пытались, но грядки так и оставались кривыми и бледными. Про себя Градов удивлялся, почему соседи, с виду люди обычные, могут сделать такие грядки, а отец, который так много знает и умеет, не может. Временами приходило тоскливое осознание, что эти мечты никогда не сбудутся. Почему, он не понимал, но знал, что это так. Настроение обычно портилось, но такое случалось нечасто, и он быстро отгонял эту мысль. Жизнь и без того хороша.

Он представлял, как расправит крылья бабочки, которую оставил засыпать в стеклянной банке на чердаке, и вдруг вспомнил, что в воскресенье в Москву не вернется, а останется дальше с Маней и тетей Кларой, и сдавило горло от подступающих слез. Теперь он не увидит маму целых семь дней.

Вот на этой мысли он проснулся, долго лежал, пытаясь разобраться с настроением.

Женщина сидела прямо и смотрела на его руки. Взгляд мешал, и Градов то и дело барабанил пальцами по столу, чего обычно старался не делать.

День сегодня был легкий: всего четыре пациентки, из них одна новенькая. В карточке значилось: Мария Лагутина, редактор, но она сразу представилась Маней, и это резануло

слух. Для него существовала только одна Маня – его бабушка, все остальные казались самозванками.

Новеньких Градов любил. Каждый раз надеялся, что на этот раз что-то сдвинется, и потечет легко, и наконец появится смысл. И на первых порах он чувствовал приближение чего-то такого необъяснимого, но ощущение быстро испарялось, а беседа перетекала в обычную болтовню, и он все время боялся, что его разоблачат. Женщина неожиданно заговорила.

– Муж уже не может выносить моего состояния.

Градов оживился. До этого она с трудом отвечала на его вопросы, а тут вдруг сама что-то вымолвила.

– Вы чувствуете себя виноватой перед мужем?

Женщина задумалась. Ей явно хотелось что-то рассказать, но при этом она боялась сболтнуть лишнее.

Он произнес подчеркнуто мягко:

– Помните, как мы с вами договаривались? Вы говорите первое, что приходит в голову. Я не прошу вас называть никаких имен. Просто озвучивайте свои мысли. Ну, сами подумайте, какие такие страшные тайны у вас могут быть?

На этом месте женщины обычно начинали кокетничать, а эта опять задумалась. Может, оценивала, насколько страшны ее тайны.

– Вчера мне звонил один человек...

– Он вам нравится?

– Что вы, наоборот!

– Он вам неприятен?

– Мне неприятно, что он мной командует. Он звонил по работе.

– Он писатель?

– Нет. Приносит автору сюжеты.

– Сюжеты?! А что, у писателей нет сюжетов?

Она немного смутилась.

– По-всякому. Издательство заинтересовано в интересных сюжетах и иногда их покупает.

– Надо же! Это что ж за писатели такие, которые сюжеты не могут придумать? Я слышал, наоборот бывает. Писатель подкидывает сюжет литературным неграм, те пишут, а он потом свое имя ставит. У вас это практикуется?

Она улыbnулась, и Градов обрадовался, но тут же понял, что сильно отвлекся. Надо было срочно возвращаться к продавцу сюжетов.

– И что же вам сказал этот человек?

– У него было много претензий. Я хотела ему объяснить...

– Что именно?

– Очень многое...

– Ну, например...

– Ну, например, то, что мое мнение тоже нужно уважать...

– А зачем вам нужно, чтобы он уважал ваше мнение?

Пациентка опять задумалась, и на этот раз Градов видел, что она действительно пытается разобраться, зачем ей это нужно.

– Может, вы на самом деле боитесь неприятностей на работе? Он нажалуется, вам попадет. А это несправедливо.

Она замолчала, но тут же заговорила уже другим тоном, заносчивым:

– Кто он такой, чтобы на меня жаловаться? Он у нас даже не в штате.

Разговор заходил в тупик, и Градов не знал, как из него выбраться. Главное, что дамочка закрылась, и уже говорила не она, а ее амбиции.

– А вообще вас на работе уважают?

– Утром мне позвонил муж и сказал, что приедет поздно, потому что у него опять поездка в Тверь. Я этого очень боялась, начала скандалить, а он наорал на меня и бросил трубку.

– А что муж делает в Твери?

– У него там бизнес. Липовый.

Градов невольно улыбнулся, но тут же посерьезнел.

– Почему липовый?

– Они торгуют бормашинами и всякими креслами стоматологическими.

– И что, бормашины поддельные?

Женщина разволновалась. Она как будто бы приняла решение вывести всех на чистую воду и думала, как бы это сделать поделикатнее.

– Именно что поддельные.

– Не сверлят?

Женщина засмеялась, и Градов вздохнул с облегчением. Он уже боялся, что перегнул палку.

– У моего мужа есть друг, который на него очень нехорошо влияет...

Она уже не помнила, когда это началось, вроде бы недавно, но сейчас ей казалось, что она всегда жила с ощущением тревоги. Летом собирались с одноклассниками. Теперь это происходило довольно часто. Поначалу казалось невероятным, что после стольких лет собственной автономной жизни они чем-то могут заинтересовать друг друга. А выяснилось, что все остались такими же. Было странно до фантастичности узнавать в каждом из них прежние подростковые черты, которые по всем законам должны были измениться, но не изменились. Они были из одной жизни почти с самого рождения, самые близкие, пожалуй, после родных, но родных уже не было... Многие из этих детских черт когда-то раздражали, а сейчас умиляли своей трогательной неизменностью. При этом Маня полагала, что изменилась меньше других, и каждый из них полагал то же самое. Она это чувствовала.

Они тогда крепко напились, вернее, напилась Маня, как она потом поняла. Потому что полезла ко всем с расспросами – кто, где работает. Ее подсознание уже тогда не оставляла мысль, как бы пристроить Петю. Многие были технарями, а сейчас стали прозываться менеджерами, мерчендайзерами и прочими ругательными словами, и все, как один, что-то куда-то продвигали. Совсем недавно они с Петей вместе смеялись над этими инновациями, или это было давно? Сейчас он избегал этих тем, потому сам стал таким же. Казался таким же. Сколько времени она потратила на то, чтобы доказать ему, что он талантливый математик. И когда он наконец поверил, все стало неактуальным.

Ольга Розанова как-то говорила, что Храпов, их бывший комсорг, стал крутым, работает замдиректора в какой-то американской компьютерной фирме. Они тогда вместе поохали над тем, как люди устраиваются. Сейчас, когда сидели за одним столом, зависти не было, наоборот, было чувство родства и гордость за то, что вот с такими людьми вместе учились. Храпов слушал внимательно, или ей так казалось, при этом не забывал подливать в ее рюмку. Она хотела сказать, что Пете противопоказан бизнес, но потом передумала и только хвалила его профессионализм и всякие разные человеческие качества.

– У тебя, Мань, терпения нет. Дай человеку раскрутиться. Потом сама ему спасибо скажешь. Уж ты мне поверь, бизнес – это свое. Ни на какую работу не променяешь.

У нее опять чуть не вырвалось, что Петя не бизнесмен. Тут надо было выбирать: или говорить, что у нее все плохо, чего она позволить себе не могла, или рассказывать, как все замечательно, но тогда дальнейшие просьбы теряли всякий смысл.

– Понимаешь, он по натуре ученый.

Храпов посмотрел на нее сочувственно.

– Какой ученый?! Ты что, хочешь лапу сосать? Красиво жить, я гляжу, тебе не нравится.

– А что ты сам бизнес не откроешь?

Храпов самодовольно захихикал.

– Ленивый. Каюсь.

Надо было срочно прекращать этот разговор, но она продолжала что-то лепетать, уже понимая, что все это унизительно и бессмысленно, льстила Храпову, который все может и вовсе даже не ленивый. Как будто можно было уговорить его, как ребенок уговаривает родителей, чтобы те, ну последний раз, ну за очень хорошее поведение разрешили пойти погулять. Это были не родители, а родителей не было.

Потом они опять пили, и были еще какие-то разговоры, попытки достучаться. Подробности она постаралась поскорей забыть.

Она была уверена, что Петя сам никогда бы не решился открыть этот бизнес. Попутал Васильчук. Они вместе работали в «Сатурне», когда там еще занимались оборонкой. Петя считал Васильчука легким человеком, а Маня – никчемным. Васильчук был из тех, которым все сходит с рук. Петя этого не понимал и всегда хотел на него равняться. Маня пугалась, сажала его рядом и все по полочкам раскладывала. Какое это было счастливое время. Он тогда ее слушал, огрызался, обзывал разными словами, но это была игра. Он ее действительно слушал, и они были вместе. Только теперь она оценила те времена и пыталась вернуть их всеми силами, но у нее ничего не получалось. То ли сил не хватало, то ли они оба изменились. Она винила себя в том, что ослабила контроль. Сама она ненавидела это слово, но Петя был особенным человеком. Он не умел двигаться без контроля со стороны. Она расслабилась, и его перехватил Васильчук.

...Было уже три часа ночи. Петин телефон не отвечал, и она прилегла, потому что не было сил ни сидеть, ни ходить. К счастью, Линка была на даче с бабушкой, и не надо было сдерживаться и делать вид, что ничего не происходит. Это была уже третья поездка в Тверь, и они с Васильчуком были страшно довольны тем, как все складывается, а Маня уже тогда чувствовала, что добром это не кончится, пыталась достучаться до Пети, но это вызывало обратную реакцию. Сегодня с утра ей было тревожно. Звонок раздался в три часа десять минут. Петя даже не дал ей слова вставить.

– Нужно привезти деньги.

– Какие деньги?

– Сто пятьдесят тысяч... Ну те, которые... ты знаешь...

– Зачем?!

– Так, Маня, ты будешь идиотничать? Тут отделение милиции, прямо рядом с метро «Юго-Западная». Ты можешь это сделать?

Как будто бы у нее был выбор.

Она помнила, как ловила машину на пустых улицах. Вначале никто не хотел ехать на другой конец города, а потом повезло. Водитель спросил:

– Сколько дадите?

Она пожала плечами.

– Пятьсот подкинете?

– Я не знаю, надо посчитать. Если хватит, дам.

Она вытащила огромную пачку с тысячными и начала пересчитывать. Водитель молчал. Точно Маня не помнила, но, кажется, он взял рублей триста и предложил проводить ее до входа в отделение. В коридоре было темно и душно. Откуда-то издали доносились приглушенные голоса. Коридор заворачивал налево. За углом, в застекленном отсеке, сидели два молоденьких милиционера. С потолка свисала тусклая лампочка. Милиционеры вяло перекидывались короткими фразами. На Маню не обратили никакого внимания. Она хотела

сразу обратиться к старшему, но тут поняла, что никогда не знала воинских различий. Кроме того, было неясно, как сформулировать вопрос. Сказать, что она по поводу взятки, было как-то неловко. Но ничего говорить не пришлось. Один из милиционеров поднялся и вышел в коридор. Маня двинулась за ним. Он ключом открыл какую-то дверь, где за столом друг напротив друга сидели Петя и Васильчук. Маня молча вынула деньги. Милиционер что-то сказал, вроде того, что больше так не нужно поступать. Она еще запомнила, что Васильчук протянул ему руку, а тот отвернулся. Это особенно резануло.

Остаток ночи Петя каялся, что-то сбивчиво рассказывал и снова каялся. Сдал их, как выяснилось, сегодняшний стоматолог, хозяин клиники, куда они привезли три кресла. Его им порекомендовала врачиха с Октябрьского поля, которой они успешно сбывли маленькую бормашину. Бизнес у нее тоже, судя по всему, маленький, не то что у этого жлоба, и она была страшно довольна, что цена приемлемая. Под конец дала им телефон своего «хорошего товарища, у которого целая сеть клиник», заверив, что они явно заинтересуют друг друга.

Теперь-то они с Васильчуком не сомневались, что все было подстроено. Видно, тетка показала ему товар и тот что-то заподозрил, а потом сделал большой заказ, чтобы их хорошенько нагреть. Когда кресла сгрузили, он вначале долго изучал документы, хотя они были на французском, потом разглядывал какие-то бирки на креслах, а потом позвонил своему другу менту, с которым, очевидно, все было заранее оговорено, и они разыграли партию как по нотам.

– Но ты хотя бы сделал выводы? Ты понимаешь, не сегодня, так завтра. Как веревочке ни виться...

– ...все равно конец будет. Давай еще что-нибудь процитируешь? Я уже понял, Мань! Я очень устал...

– Это ты еще хорошо отделался. Ты понимаешь, чем это могло кончиться?

Петя замолчал, видимо оценивая возможные последствия.

– А ничем бы это не кончилось. Нас, конечно, развели как лохов. Надо было технику забрать, извиниться, и до свидания. Мы ничего не знали, нас самих обманули, приносим наши вам глубочайшие извинения. И вообще, все это еще доказать надо...

Маня закричала:

– Ты идиот?! Или притворяешься? Вас убить могли!

Он испугался ее крика, присел рядом, прижал к себе ее голову.

– Ну все... все... Я же сказал, все. Завязано. Придется переквалифицироваться в управдомы.

Она еще долго всхлипывала, а он все рассказывал, иногда что-то смешное, и она смеялась сквозь слезы и понемногу успокаивалась.

Градов слушал, и почему-то вспоминалась бабушка. В семье ее называли Маней. Почему так повелось, он не знал и даже никогда не задумывался. Она могла быть только Маней, и больше никем. В раннем детстве он даже не понимал, что она старая. Хотя какая она тогда была старая. Маня была без возраста. Почему она вспомнилась? Мало ли Мань на свете? Эта женщина сразу сказала, что на Машу и прочие клички не откликается. Так с детства пошло. Градов тогда на это внимания не обратил, а сейчас вспомнилась Маня. Тут явно дело было не в имени. Женщина рассказывала, и в какой-то момент ему стало ее очень жалко, и тогда пришло воспоминание. Он абсолютно отчетливо видел продолжение этой истории, и ее нелепые попытки достучаться и объяснить необъяснимое.

Он спросил:

– Я не понял, а в чем все-таки криминал?

– Они случайно нашли такой заводик в Твери. Официально те изготавливают металлоконструкции для офисов. А параллельно собирают какую-то списанную медтехнику, нашу,

отечественную, что-то там такое переделывают и выдают за французскую фирму «Люмьер». Она очень ходовая и безумных денег стоит. А они продают за полцены, якобы у них какие-то эксклюзивные закупки, не знаю я...

Градов присвистнул.

– Молодцы какие... И что, номер проходит?

Она тяжело вздохнула.

– Вот, два раза прошел... Да и заработали на копейку, а разговоров ... Да не в этом дело! Я пытаюсь ему объяснить, что нельзя начинать с подлога, что это аморально...

Она осеклась и испуганно посмотрела на Градова. Он хотел сказать, что любой бизнес аморален, но не стал. Он понимал, о чем она говорит.

– Так все-таки машины сверлят или так это?..

– Вроде сверлят.

– Ну, уже полдела. Какие клиенты пошли капризные.

Но на этот раз она даже не улыбнулась, и он пожалел, что взял неверный тон.

Мансуров выхватил у нее ручку и застрочил своим корявым почерком. Маня сказала:

– Сева, я не смогу ничего разобрать.

Он поморщился и отмахнулся от нее.

– Может быть, дома перепечатаете в спокойной обстановке и мне пришлете по электронной почте?

Он перечитал написанное, что-то поправил и только потом посмотрел на нее.

– Манечка, я понимаю, что вы хотите вывести меня из себя, но я вас, как всегда, прощаю. Скажите, вам знакомо такое словосочетание: «Муки творчества»?

– Как же, слыхала.

– Ой, ну уже замечательно! – Он сладко улыбнулся. – Так вот, когда у человека вдохновение – тоже, кстати, очень полезное слово – его не следует отвлекать. Это понятно?

– Как не понять? Только вы сейчас уйдете, а я буду разбирать эти вдохновенные каракули.

– Так это ваша работа, Манечка! Если человек сам не создает, он разбирает чужие каракули.

Здесь надо было остановиться, но не было никаких сил.

– А вы, значит, создаете?

– Получается, что так.

– Во сне?

Он засмеялся.

– Во сне ко мне приходит весть, но она может раствориться наяву. Как это и происходит у большинства людей. Моя задача не спугнуть эту весть.

Впервые Мансуров разговаривал с ней так серьезно. Она вся сжалась, боясь сказать лишнее, чтобы не нарушить ту неожиданную доверительность, которая прежде никогда не возникала. Неужели он понял, что она не та, за кого он ее принимает. То, что он не такой, каким кажется, она знала всегда. Мансурова привел главный и представил как начинающего автора. Без подробностей. На вид ему было лет сорок или чуть больше, и в курилке они не преминули отметить, что начинает он поздно. Такие авторы регулярно появлялись в издательстве и очень быстро исчезали, и серьезно к нему никто не отнесся. Странности начались с прихода Веры Клыковой.

Была суббота, и Маня приехала в издательство только потому, что Клыкова позвонила накануне и попросила ее подъехать. Якобы у той важное и срочное дело. Тащиться не хотелось, хотя и дома субботный день не сулил особого разнообразия. Линка за что-то на нее обиделась и закрылась в своей комнате, а Петя дремал под звук включенного телевизора.

Клыкова, как обычно, опоздала. Это была женщина без возраста и каких-либо особых примет. Маня даже не помнила, какого цвета у нее волосы, хотя та появлялась в издательстве часто. Только потом она сообразила, что Клыкова красится каждый раз в новый цвет. При этом все оттенки были настолько невнятными, что оставалось неясным, какова цель окраски.

Маня пришла в издательство, когда Вера Клыкова уже сформировалась как писательница и слыла набирающим обороты мастером любовного жанра. Маня сразу обратила на нее внимание, потому что внешне та очень походила на продавщицу из овощной палатки рядом с троллейбусной остановкой у ее дома. Но продавщица была наглая и крикливая, а Клыкова по большей части молчала и явно смущалась. С подробностями становления Клыковой как писательницы Маню познакомил Савелий Игнатьевич, старейший редактор отдела зарубежной литературы, который с самого начала по-отечески опекал Маню. Как выяснилось, появление Клыковой в издательстве поначалу вызвало некоторое недоумение у всего коллектива, так как она не подходила ни под одну известную категорию современных писательниц. Она не походила на женщину, имеющую богатого спонсора, который оплачивает публикацию. Наоборот, за публикацию платило издательство, а Клыкова получала гонорар. Была и другая небольшая категория писательниц, возникших из прошлой жизни, но имени Веры Клыковой также никто припомнить не мог.

Впоследствии выяснилось, что до того, как стать писательницей, Клыкова служила риелтором и как-то очень удачно помогла сестре главного разменять квартиру после развода. Там была какая-то длинная цепочка с куплей и продажей площадей самого разного размера и качества, в результате чего бывший муж сестры оказался в однокомнатной квартире в дальнем Подмосковье. Нельзя сказать, что сама сестра, которая к тому времени уже была признанным мастером того же жанра и творила под псевдонимом Анна Обухова, очень выиграла при обмене. Главной победой было то, что ее бывший супруг остался на бобах. Впоследствии в одном из романов Анна описала драматическую историю своего развода и разезда, назвав роман одним емким словом «Обмен». Но тут вмешался Савелий Игнатьевич, который заметил, что произведение с таким названием уже имеется в классической литературе XX века и автор его Юрий Трифонов. Но Анна почему-то ни за что не соглашалась менять название, ссылаясь, во-первых, на то, что Савелий Игнатьевич – старый маразматик (ему действительно на тот момент стукнуло 76 лет), а во-вторых, на то, что никакую классику народ давно не помнит и предпочитает ей современность. Но Савелию удалось привести убедительный аргумент, который Анне нечем было крыть. Он предположил, что при введении названия в поисковик вместо Анниного творения может выскочить роман Трифонова, и народ, в массе своей невежественный, поведется на это и по ошибке купит и прочтет не ту книгу, что, конечно же, приведет к большим разочарованиям. В результате роман был переименован в «Моя жизнь», но оказалось, что и это заглавие в прошлом было уворовано какими-то плагиаторами. Книга в итоге вышла под названием «Моя быль», что вызвало острые дискуссии в издательской курилке.

На почве удачной сделки с недвижимостью Клыкова подружилась со своей клиенткой и даже призналась ей, что является поклонницей ее творчества, которое не раз выводило ее из женской депрессии. Для подтверждения сказанного ею было приобретено двадцать романов писательницы. Она как-то сболтнула об этом в курилке после очередной корпоративной вечеринки. Позже, правда, этот факт отрицала, утверждая, что книги всегда стояли у нее на видном месте. Кроме того, она призналась Анне, что и сама не лишена тяги к художественному слову и у нее даже имеются кое-какие наработки. Обухова, будучи человеком благодарным, представила ее брату, и дальше все пошло по накатанному сценарию. Оказалось, что Клыкова может писать быстро и на правильные темы. Сама она замужем никогда не была и детей не имела, но любовные сцены у нее выходили красивые и яркие, видимо

потому, что мечта всегда ярче действительности. Народ тоже мечтать любил и поэтому скупал книги в большом количестве.

Маня как раз на прошлой неделе сдала на верстку очередную клыковскую рукопись и теперь недоумевала, зачем она так срочно понадобилась писательнице. Для создания следующей рукописи неделя была все-таки нереально коротким сроком.

Клыкова, как всегда, ворвалась с шумом и поцелуями, и комната сразу наполнилась ее собственным ни на что не похожим пронзительным запахом. Дальше начались подробные расспросы, в которые Маня зачем-то ввязывалась, хотя знала, что Клыковой ее жизнь абсолютно неинтересна.

– Вы слышали, что Павел Викторович удумал?

Клыкова всегда, даже в самых частных беседах, называла главного по имени-отчеству. Маня отрицательно покачала головой.

– Ну, как же! Привел этого Мансурова, этого бездельника, который сам ничего не может и другим работать не дает.

Она взглянула на Маню, проверяя реакцию, но та по-прежнему молчала.

– Я понимаю. Вам всем на это наложить, а меня козлом отпущения сделали.

– В каком смысле?

Клыкова оживилась.

– В каком смысле? Да в самом прямом. Бред его записывать заставили.

– А что, правда, бред?

– Ну, неужели! А вы думаете, он в состоянии что-нибудь путное придумать?

– Я не знаю, он еще ничего не приносил...

– А что он может принести? Теперь я буду с этой ахинеей возиться...

– А что, вас главный переписывать заставляет?

– Да что там переписывать, Маня! Это детский лепет! Там начать и кончить.

– Ну, хоть сюжет есть?

Клыкова тяжело вздохнула.

– Какой там сюжет... Ловко он придумал... Мол, какой во сне сюжет?

– Во сне?!

– А где же?

– Что-то я не понимаю, Вера Ивановна. В каком сне?

– Ну, якобы он каждый день, ну там ночь, видит сон, а утром встает и его записывает...

Маня засмеялась.

– Прямо каждую ночь?

– Ну, я не знаю... Может, по четным видит, а по нечетным не видит... Один черт...

– И что? Ну, расскажите, расскажите! Интересно-то как!

– Ах, вам интересно, вот сами и пишите...

– Да куда мне, Вера Ивановна, я ж не писатель... То есть вы должны на тему сна роман написать?

– На тему бреда...

– А что ему правда это снится?

– Ой, я вас умоляю. Пиар дешевый. Непонятно только, зачем он Павлу Викторовичу понадобился...

После всего сказанного она не решилась попросить у Клыковой рукопись сна. Как можно проявлять интерес к вражеским пронкам? Однако интерес остался, и она, как бы между прочим, спросила у главного, мол, ходят разговоры, и можно ли на это чудо глянуть. Но тот отказал, причем в резкой форме:

– Смотреть можно на готовый результат, а не подглядывать за чужими мыслями. Это неэтично.

Ничего себе неэтично, если человек сам продает свои сны. Все это забавляло до тех пор, пока Мансуров сам не позвонил ей.

* * *

Редакторша его сразу не узнала, и на мгновение кольнула обида, но он быстро справился. А он еще надеялся, что эта серая курица в состоянии что-то понять. Когда Витошин обмолвился, что им уже интересуются дамы, он начал допытываться, а тот шутил, издевался и наконец сознался, что редакторша, Маня Лагутина, интересовалась его творениями, вернее озарениями, и Мансуров долго пытался вспомнить, как она выглядит, и даже специально приехал в контору, вроде бы за каким-то делом.

Поняв, кто звонит, редакторша начала кокетничать, чего он категорически не выносил, и вообще вела себя вызывающе – так, будто она что-то значит в этом мире.

– Сева, а кто же вам рассказал, что я просила почитать?

– Ну, разве это имеет значение?

– Конечно, имеет. Сева, ну, пожалуйста, ну, скажите... Неужели главный?

– А кто у нас главный?

Она засмеялась, хотя он и не думал шутить.

– Главный – это главный. Витошин Павел Викторович. А вы не знали, кто у нас главный?

– Мне кажется, этого никто не знает.

Какое-то время она молчала.

– Сева, вы всегда такой серьезный?

– Что вы, я страшный шутник. Короче, чтобы вы не мучились...

– Да я не мучаюсь...

– ...так вот, чтобы вы не мучились. Мне действительно сказал о вас упомянутый вами главный. Ну ладно, я прошу прощения за беспокойство. Был рад с вами побеседовать.

– Сева, а что насчет рукописи?

Она уже оправдывалась, и голос был совсем другой, и у него поднялось настроение.

– Мы как-нибудь об этом поговорим.

Она явно что-то хотела сказать, но он коротко попрощался и повесил трубку.

Слово «главный» Мансуров ненавидел. Когда-то так называли его отца, и в те времена это было его любимым словом. Он часто бывал у отца в редакции, сидел и слушал разговоры сотрудников. И каждый раз, когда в речи мелькало «главный сказал, главный просил», его охватывал необычайный трепет, и это были моменты счастья и защищенности, которые, казалось, будут с ним всегда, независимо ни от чего, просто по праву рождения. Но все изменилось, неожиданно и резко, и Сева долго и мучительно искал причины этого незаслуженного наказания, и не находил их, и, хотя говорили, что изменилось время, затронув всех, без исключения, он воспринимал случившееся, как личную обиду, жестокую, а главное, несправедливую.

Отец работал главным редактором одной из центральных коммунистических газет. Впрочем, тогда все было коммунистическим, хотя об этом никто особо не задумывался и не анализировал, хорошо это или плохо. Все знали, что главным редактором быть хорошо. Сева всегда любил профессию отца, даже когда еще не понимал, что такое редактор и каковы его обязанности. Еще он знал, что отец занимается журналистикой, и ничего притягательнее этого слова не существовало. Только в классе пятом он задумался о том, что журналист должен уметь писать, и эта мысль его обрадовала, потому что больше всего он любил писать сочинения. Газетные статьи, которые подсовывал отец, не очень нравились. Были они напи-

саны суховато, без эмоции. Так он писать не хотел и про себя знал, что будет писать гораздо лучше.

Потом был кружок Юного журналиста во Дворце пионеров на Ленинских горах, невероятное место, существующее в параллельном измерении. Кружок посещали его ровесники, плюс-минус два года, но это были совсем другие дети. Трудно было представить, что они так же, как и все, ходят в обычную школу с ее примитивными и жестокими правилами выживания. Эти дети не были коллективом, каждый из них был сам по себе. Они не стеснялись говорить первое, что им приходит в голову, не боялись реакции окружающих на собственные слова, даже, наоборот, ждали ее. Были у них такие обсуждения прочитанного, когда, услышав чье-нибудь очередное фантастическое заявление, Сева иной раз вздрагивал, с ужасом ожидая шквала издевок, которые посыплются на голову говорившего. Но ничего не происходило. Он долго не мог к этому привыкнуть и долго не решался заговорить сам. А когда решился, с изумлением обнаружил, что его слушают так же доброжелательно и, что удивительно, обсуждают его слова, иногда критикуют. Но это звучало необидно, и радовало, что к нему и к его словам относятся серьезно.

Занятия вела Галя Брехт, очень странная женщина. Сева таких раньше не встречал. Лет ей было, наверное, сорок, а может и тридцать, она всегда ходила в джинсах и свободных кофтах, была очень худой и безгрудой. Казалось, ей безразлична собственная внешность. Девочки иногда разглядывали ее, с Севиной точки зрения, абсолютно невзрачные кофты, шумно восхищались. Галя выглядела смущенной, отмахивалась. Определив ее с самого начала как неудачницу, очень скоро Сева пришел к странному выводу: Галю невозможно обидеть. Он не мог объяснить природу этого явления, просто так чувствовал, и это рождало смесь зависти и уважения.

Поначалу было много обсуждений Галиной фамилии. Всех интересовало, не родственница ли она того самого Брехта. Сева старался в дискуссиях не участвовать, так как не очень четко представлял, о ком идет речь, хотя имя это когда-то слышал. Отец без вопросов выдал ему «Жизнь Галилея», и он старательно вчитывался, пытаясь определить признаки гениальности. История оказалась нудноватая, но главное, теперь он был подкован, хотя к тому времени тему фамилии уже закрыли.

Галя говорила глуховатым и очень низким голосом, и он любил слушать этот голос, даже не вдумываясь в смысл сказанного. Она работала в каком-то маленьком журнале, писала то ли о кино, то ли о театре, и, в общем, тоже была журналисткой. Это было удивительно, так как она резко отличалась от всех, кто работал с отцом. Много Сева об этом не раздумывал, понимая, что до отца ей далеко. Мама, однажды увидев Галю, назвала ее диссиденткой и старой девой, и Сева понимал, что она не так уж далека от истины, хотя в домашних спорах всегда Галю защищал и нахваливал. Родители снисходительно улыбались. Как теперь он понимал, они совершенно точно определили, что она неопасна. Так, мелкая сошка, которая Севку расшевелила, и на том ей спасибо. Родители вообще всегда безошибочно чувствовали опасность и никогда зря не паниковали. Но зато, когда ситуация им не нравилась, реагировали мгновенно.

Еще там была Маня Вольская, его ровесница. Они тогда учились в девятом классе. Маня была из тех, кого любят все и все восхищаются. Хотя она была скорее некрасивой. Сева старался себя убедить, что на самом деле это не так, но факт оставался фактом: она была маленькой, желтовато-смуглой, с немного плоским лицом. Когда она улыбалась, глаза уплывали куда-то внутрь, и она становилась еще некрасивей, и в такие моменты Севе было неудобно, что все это видят. Внешне она старалась во всем подражать Гале: одевалась и вела себя с той же небрежностью. Только она была резче, жестче и говорила громким и хрипловатым голосом. Она Севу сразу выделила, даже опекала его поначалу. Он пришел немного позже других и первое время чувствовал себя лишним и чужим. Поговаривали, что у нее есть

постоянный мальчик, но он где-то не в Москве, на заработках. Севу эти разговоры раздражали своей надуманностью и дутой таинственностью. О каком постоянстве можно говорить в их возрасте, да и о каких заработках? Он что, голодает, этот мальчик, или сирота? При этом нельзя сказать, чтобы Маня вела затворнический образ жизни. За ней часто заезжал какой-то взрослый мужик на колыхаге. Говорили, что это ее дядя, у которого она живет. Маня была приезжей. Еще Сева постоянно слышал о каких-то компаниях, чаще студенческих. Но с Маней он эти темы не поднимал. При всем ее дружелюбии был барьер, через который переступить запрещалось. Он всегда это чувствовал. У них были другие темы. Все они бредили журналистикой и постоянно это декларировали друг перед другом. Они будто принадлежали к какому-то братству и обо всех остальных говорили с иронией и некоторым цинизмом, как люди, имеющие на это право. С одной стороны, Сева сомневался в этой избранности, а с другой, очень хотелось быть таким же. Его никто и не отделял, и он изо всех сил старался поверить, что он действительно такой же, но что-то мешало.

В тот день обсуждали романы-репортажи Экзюпери. Говорили об их необычном языке, о его суперестественности, которая даже затрудняет перевод. В основном говорила Галя. Она принесла книгу на французском: репортажи и комментарии к ним. Все сидели кружком, и книга переходила из рук в руки. Было очень тихо, только звучал глухой и монотонный голос Гали. Она рассказывала о том, что читала в оригинале и что не было переведено на русский язык. Потом обсуждали принципиальные отличия жанра репортажа, ту стилистику, которой нет и не может быть в «Маленьком принце». Она всегда говорила с ними на равных, как с профессионалами.

После занятия пошли гулять в парк, к старому пруду, куда обычно ходили всей компанией. Первый раз они оказались с Маней вдвоем. Она шла молча, потом остановилась, закурила. Сева как-то пробовал курить, и ему даже понравилось, но он очень боялся втянуться, не из-за себя, из-за родителей, для которых это будет настоящей трагедией. Ему было их жалко. Однако Маня с сигаретой казалась еще более чужой и далекой, чем обычно, и он считал минуты, когда она докурит и наконец можно будет пообщаться.

– А тебе что больше нравится, «Маленький принц» или репортажи?

Он хотел спросить о чем-то совсем другом, но ничего не придумывалось, а молчание начинало тяготить. Маня улыбнулась. Она все так же смотрела перед собой и к нему не повернулась.

– Ну, разве можно это сравнивать? «Маленький принц» – это мечта, утопия, которая никогда не сбудется. А репортажи – это реальность, очень страшная реальность.... Но и то и то гениально.

– Уж прямо гениально!

Почему-то захотелось ее позлить. Она наконец повернулась к нему.

– У тебя другие фавориты?

– Нет... мне тоже очень понравилось. Очень сильно... Но говорить «гениально»...

– А кто, по-твоему, гениален?

– Ну, я не знаю... Мы же говорили об Экзюпери как о журналисте... Это, конечно, здорово, но есть много хороших журналистов.

– Кто, например?

– Ну, например, у отца в газете...

– Ах, у отца в газете! – Она хрипло рассмеялась. – Ты уж извини, но для меня твой отец не авторитет.

– Это почему это? Ты что, его знаешь?

– Твой отец – коммуняка.

Сева опешил. Он и сам иногда об этом думал. В основном после того, как на даче случались разные разборки, насмешки, ничего серьезного, да и не в Севин адрес. Просто

он умел сопоставить события и сделать выводы. Хотя дома у них никто пафосных речей не произносил и лозунги не развешивал. Было известно, что отец делает свое дело, и делает его хорошо. А это не каждый умеет. Но задело другое. От Маниных слов веяло не просто холодом, а такой незаслуженной враждебностью, которую не было сил вынести.

– И вообще, надоело уже слушать про твоего отца. У моего отца то, у моего отца это...

– А про твоих мужиков, думаешь, не надоело слушать?

Она резко остановилась. Глаза сузились до щелок и запали.

– А тебе завидно?

– Мне?!

– Тебе! Твое-то какое собачье дело?

– А не надо из себя чистенькую строить! А то коммуняки ей не нравятся, а сама...

– А что сама? Я никого не трогаю. Это мое личное дело. Захочу – с каждым спать буду!

Она смотрела на него брезгливо, и это было еще обиднее враждебности. Откуда-то из глубины поднялась жаркая волна, появилась невероятная легкость. И ненависть, которая не тяготила, а, наоборот, давала силу.

– С каждым?

– С каждым.

– И со мной?

Она глянула непонимающе, а потом расхохоталась. Она смеялась, сгибаясь пополам, а он стоял и ждал. Потом пробормотала сквозь смех:

– Ну, давай, попробуй.

Они стояли у какого-то белого бетонного строения, и вокруг никого не было. Хотя в тот момент он ничего не видел. Он сделал шаг к ней и легонько толкнул в сторону стены. Она послушно облокотилась, но ничем не помогала и не мешала, стояла и улыбалась. Надо было что-то делать. Он скосил глаза на застежку на ее мешковатых брюках и испуганно посмотрел ей в глаза. Она засмеялась, не пошевелившись. Он дернул молнию, а она еще громче рассмеялась. Молния открылась, но пуговица на поясе никак не расстегивалась. Маня хохотала, а его захлестывало отчаяние. Он ничего не чувствовал, кроме желания сделать ей больно, очень больно, чтобы она помнила, что именно он причинил ей эту боль. Сверху на ней была надета безразмерная джинсовая рубашка. Впрочем, на ней все казалось безразмерным, такой маленькой и щуплой она была. Пуговицы на рубашке были мелкие, белого цвета, будто перешитые с другой вещи. Он двумя руками схватился за обе полы рубашки и начал рвать их в разные стороны. Белые пуговицы разлетались, а Маня хохотала. Смех сделался хриплым, и он увидел, что щеки у нее мокрые. Она резко выпрямилась, но до него не дотронулась.

– А теперь пошел вон.

Он почувствовал невероятное облегчение, поднял с земли рюкзак и пошел через газон в сторону метро. На улице было темно.

* * *

После ухода женщин в комнате стоял острый запах духов, и Градов настежь открыл окно. Дождь прекратился, но все небо было серым, и оттого в комнате было темно. Когда-то в его кабинете стоял совсем другой запах. Пахло хлоркой, лекарствами, медицинским спиртом, той смесью, которую в народе ненавидели и называли больничным запахом. А Градов этот запах любил. Этот запах был так же далек от аромата духов, как терапия – от психотерапии, а лекарства – от плацебо. Первое время на новом месте он ни на минуту не забывал об этом, а со временем научился отвлекаться, и только стойкий смешанный запах духов, который до конца не выветривался, каждый раз возвращал его к этим мыслям.

На четыре была назначена встреча с Филиным, и он опаздывал. Теток всегда трудно было выпроводить после группового занятия: они никак не могли расстаться друг с другом. Каждый раз они долго и тщательно убирали за собой еду и пластиковую посуду, оставшиеся после традиционного чаепития, так что стол был чистым. Только лежала какая-то книжка в твердом переплете с яркой обложкой. Видимо, забыла наиболее читающая Лариса. На обложке значилось: Вера Клыкова. «Негаданная встреча». Градов перевернул страницу. Книга была выпущена довольно солидным издательством, которое специализировалось на современной художественной прозе. Впрочем, все издательства специализировались на том же, только одни мелькали чаще, а другие реже. Градов тоже иногда покупал продукцию этого издательства, главным образом детективы, хотя никогда не решился бы говорить об этом вслух. Как-то это считалось неприличным в его кругу, однако подобное чтиво было ничем не хуже любой психотерапии. Правда, это была палка о двух концах. Иногда текст был настолько нечитабельным, что вызывал парадоксальную реакцию, и, вместо того чтобы успокоиться, он раздражался, хотелось книгу разорвать и немедленно спросить с кого-нибудь, как могло случиться, что такое печатают и выдают за литературу. Но опять-таки спрашивать об этом нельзя было, потому что ему бы сказали «Не читай», и были бы правы.

На внутренней стороне обложки среди прочих реквизитов было написано: редактор – Мария Лагутина. Вначале он даже не осознал смысл прочитанного, хотя заранее ознакомился, где работает его новая пациентка. Но одно дело знать, а другое – вдруг увидеть на обложке знакомое имя. В какой-то момент он испытал нечто вроде гордости: вот, мол, какие люди у нас лечатся. Потом, когда ехал в метро, пришла мысль, что, наоборот, гордиться тут нечем, и это ничуть не почетнее, чем надпись «Упаковщица № 1» на бумажке, найденной в коробке из-под конфет. И ему опять вспомнилась бабушка, и опять стало жалко эту Маню Лагутину.

Филин опаздывал. Градов встал у глухой стены, облокотившись на один из выступов. Они всегда встречались у глухой стены на тех станциях, где стены были, еще с институтских времен. Филин первый пересел на машину, хотя это тоже случилось не сразу. Он и из психиатрии рвался, потому что его очень мучила тамошняя бесперспективность. Там ему не светили ни общий статус, ни машина. А он не мог обходиться ни без того, ни без другого. Как только Филин открыл фирму и еще был весь в долгах, он тут же купил машину и с первого же дня с удовольствием включился в популярную дискуссию на тему «Я уже пять лет не спускался в метро». Эта была такая тема, которая с годами не теряла своей актуальности и не надоедала.

Градов стоял и злился, Филин опаздывал на сорок минут. Филин никогда не приходил вовремя, но привыкнуть к этой ситуации было трудно, как бывает трудно привыкнуть к зубной боли.

– Ой, Антоха, а ты уже тут?

– А где мне быть? Ты, Сова, наглеешь, не по-детски!

– Антоха, ну, прости, ну, не злись! Я запутался тут, в метре этом. Ты ж знаешь, я уже забыл, где тут входы, где выходы.

Всю дорогу от метро до ресторана Филин не умолкал, рассказывал какие-то дурацкие истории, и Градов понемногу развеселился. Филин всегда действовал на него умиротворяюще. Видимо, сказывались профессиональные навыки. Стасик Филин был потомственным психиатром. Мать была практикующим врачом в одной из крупнейших психиатрических клиник, а отец заведовал кафедрой психиатрии в их меде. Так что филинский путь был определен с рождения, да и сам он не очень сопротивлялся. На него можно было обижаться, или не обижаться, тому было все равно. Сам Филин тоже никогда ни на кого не обижался и моралистом не был. Иногда это даже раздражало. Когда Градов решался поделиться чем-то

сокровенным, Филин обычно предлагал не заморачиваться, и это в первый момент отталкивало, а потом успокаивало.

...Филин притащил его есть пасту в какой-то новый маленький ресторанчик на Ордынке. Неожиданно оказалось, что паста – филинское любимое блюдо. Пригласил сам хозяин заведения, который приходился личным другом мужу одной из важных пациенток. Сам Градов пасту не любил. Обычные макароны, чем-то политые, которые легко можно приготовить дома. У него вообще не было особых кулинарных пристрастий. Когда вся эта ресторанная культура только зарождалась в Москве, им было не до нее. Да и Наташа не была особой любительницей застолий. Но все же на ее тридцатипятилетие решили посетить ресторан «Пушкинь». Накануне второго тысячелетия выяснилось, что все вокруг его посетили, а они нет, хотя Градов предупреждал, что цены там кусаются. Он специально поинтересовался у медсестры Шурочки, которая вынуждена была наведываться в подобные заведения с целью создания крепкой семьи. Но Наташа вдруг устроила истерику, что было ей совершенно не свойственно. Оказывается, жизнь проходит, а они все чего-то ждут, а скоро сорок, и если люди в тридцать пять ничего не могут себе позволить, то в сорок тем более не смогут. Градов пытался шутить, все надеясь, что это она так, несерьезно, но Наташа убежала на кухню, закрылась там и долго курила. Он тогда очень испугался. Не верилось, что она может так убиваться из-за подобной ерунды. Он даже на всякий случай денег у Филина занял.

Вначале, когда их усаживали за столик сразу три официанта, как две капли воды похожие на Пушкина, Наташа оживилась, приосанилась и всячески делала вид, что она тут завсегда и ее на мякине не проведешь. Потом четвертый, аналогичной внешности, принес маленькую деревянную танкеточку непонятного назначения, поставил у ее ног, почтительно наклонился и сделал шаг в сторону, явно чего-то ожидая. Наташа занервничала. Градов тоже не очень хорошо разбирался в обычаях пушкинской поры и поэтому сидел с каменным лицом, делая вид, что его это не касается. Больше всего он склонялся к версии, что это подставка для ног, но для этой цели она была все-таки высоковата. Наташа принялась разбирать свою сумку, поочередно вынимая и закладывая обратно все содержимое. Официант ждал. Периодически что-то падало на пол, и в долю секунды один из Пушкиных оказывался рядом и подавал ей упавшую вещь с молчаливым поклоном. Градов нервничал, он отчетливо понимал, что, пока не решится вопрос с танкеткой, делать заказ не следует. Создавалось впечатление, что все Пушкины сосредоточились вокруг их столика, в то время как народу в ресторане было достаточно. Зал был затемнен, и Градов судорожно вглядывался в происходящее у других столиков. Его взгляд выхватил похожий предмет, на котором сверху темнело маленькое пятнышко. Приглядевшись, он понял, что это, скорее всего, дамская сумочка. Она была размером с градовский кошелек и примерно раз в десять меньше Наташиной. Он рывком схватил полупустую Наташину сумку и опустил ее на танкетку. В тот же момент из темноты высунулась рука с тонкой вазой и стоящей в ней одинокой розой. Ваза оказалась в центре стола, а рука исчезла.

Наташа прошипела.

– Кто тебя просил это делать?!

– А что случилось?

Они зачем-то оба шептали. Наташа глазами показала на сумку.

– А все так делают. Вон, оглянись...

Наташа, не поворачивая головы, надменно произнесла.

– Я сама знаю. Просто не успела поставить...

Градов решил не спорить. Обстановка и так была накалена. Он помнил, что заказали стерлядь с икрой, которая была удивительно вкусной, и он ее быстро съел, за что Наташа его отругала. Чтобы чем-то себя занять, Градов курил одну за другой. Прикурить самому ни разу не удалось. Он даже не успевал дотронуться до пачки, как рядом оказывался услужли-

вый Пушкин с зажигалкой. Причем Наташе прислуживал другой, или третий, понять было сложно. Интересно, что ни один из них над душой не стоял, а появлялся только в момент возникшего желания. Каждый раз он все же пытался прикурить самостоятельно. Для этого долго и расслабленно смотрел в окно, а потом резким движением выхватывал сигарету из пачки. Но появлялась невидимая рука, и он спешно и суетливо благодарил.

Наташа сказала.

– Ты можешь не курить каждую минуту? На тебя уже нехорошо смотрят.

– Кто?!

– Сам знаешь, кто.

– Я ж их не прошу. Я сам умею прикуривать.

Она делала страшные глаза, и Градов замолчал. За весь ужин они больше не сказали друг другу ни слова. Когда принесли счет, Градов даже вспотел. С учетом одолженной у Филина суммы не хватало пятисот рублей. Но оказалось, что Наташа подстраховалась и взяла денег у тестя. Воровато оглянувшись и не найдя вокруг ни одного Пушкина, она быстро нагнулась, порылась в сумке и, не вынимая кошелек, под столом передала Градову тысячу.

По дороге к метро молчали, а в поезде ее будто прорвало.

– Замечательно! Спасибо тебе за приятный вечер.

Градов рассмеялся. Он все еще надеялся превратить все в шутку.

– А я тут при чем? Их нравы.

– А ты всегда ни при чем.

– Я лично еще раз убедился: до тридцати пяти лет не жил красиво, и не надо начинать.

– А ты называешь это красивой жизнью?

– Ну, в целом... Народу нравится...

– Ах, народу! А какой это народ, ты задумывался?

Градов задумывался, но сейчас о народе говорить не хотелось. Он готовился обсудить тему безденежья, хотя и эта тема не особо муссировалась в их семье. Оба понимали, что воровать не умеют, да и негде. В Наташиной лаборатории можно было унести только пробирки с препаратами, а они на рынке как-то не котировались. У Градова в больнице было, конечно, больше возможностей, но взятки давали в основном хирургам, так как те могли отказаться оперировать, а терапевты ни от чего не отказывались и не соглашались, и больные от них особо ничего не ждали. Они оба знали, что несмотря ни на какие катаклизмы будут работать по своей специальности, и было даже смешно представить Наташу, требующую виллу на Канарах или даже простенький особнячок под Москвой. У них и до родительской дачи руки не доходили, хотя та потихоньку рассыпалась. Они были одного поля ягоды, и Градов всегда знал, что рядом с ним и не могло быть другой женщины. Конечно, она устала. Каждый месяц грозили закрыть лабораторию, от которой и так уже осталось две комнаты. Остальные помещения были сданы в аренду серьезным фирмам. Он звал ее к себе в больницу, но она все тянула. Там была рутинная работа: моча, кровь, гемоглобин, лейкоциты. Никаких серьезных исследований давно никто не проводил. Открывались какие-то международные фармацевтические фирмы, где вроде бы и делом занимались и деньги платили, и она даже пару раз отправляла туда резюме, но никто ни разу не перезвонил. Хотя Градову казалось, что делает она это для очистки совести, так как все эти фирмы такая же фикция, и никакими исследованиями там на самом деле не пахнет. Последнее время он чувствовал, что она на пределе. Особое раздражение у нее теперь вызывали его дежурные шутки на тему рабочих будней, то, над чем они всегда весело смеялись, и ничего не надо было друг другу объяснять. Сейчас она тут же принималась анализировать все, что он рассказывал, хотя там и говорить было не о чем, и неизменно приходила к глобальному выводу, что это тупик, что сделать ничего нельзя и можно только смириться и доживать. Однажды он даже пред-

ложил ей уйти с работы, отдохнуть, осмотреться, а там, может, что-то изменится. Она тогда посмотрела на него внимательно, и в ее взгляде была какая-то враждебность.

– А ты считаешь, тут может что-то измениться?

Вопрос был риторический, и он пожалел, что вообще поднял эту тему. Для себя он знал, что раз ничего изменить нельзя, то и не надо дергаться. А Наташу было жалко.

Он с самого начала чувствовал, что в ресторан этот идти не надо. Искусственное это мероприятие, а значит, и радости никакой не принесет.

Всю оставшуюся дорогу молчали, и Градову даже показалось, что Наташа успокоилась. Когда вышли из метро, она захотела пойти пешком, и он согласился, хотя понимал, что разговоры эти добром не кончатся. Уже перед самым домом она остановилась и пристально посмотрела на Градова.

– А что ты вообще думаешь делать?

– В каком смысле?

– В самом прямом.

Градов вздохнул.

– Думаю наращивать свое благосостояние, чтобы позволять себе такие невинные радости, как посещение ресторана «Пушкинь».

– Это, по-твоему, невинные радости?

– А по-твоему, что это?

– То есть тебе понравилось?

– А что, стерлядь очень неплохая. Я давно себе не позволял стерляди. Я ее вообще, по-моему, не ел.

– Я серьезно говорю.

– И я серьезно.

– Значит, ты желаешь жить, как все это быдло?

– Натуля, чего ты хочешь? Какие у тебя предложения?

– Я не вижу здесь никаких перспектив.

– Где – здесь?

– Здесь, в этой стране...

Это было что-то новенькое, и Градов даже не нашелся, что ответить.

...На Ордынку намеренно прибыли своим ходом. У Филина было жесткое правило – за рулем ни капли алкоголя. Это правило внушили родители-психиатры еще задолго до того, как этот руль появился. Да и Градов опасался. У входа их встретил официант с беджиком в виде бутылочки с кетчупом, Филин что-то ему шепнул, и их сразу провели в маленькую затемненную нишу у самой стены. Помещение было подвальное, без окон, и Градов без всякой надежды оглянулся в поисках курящих, но из-за темноты ничего не было видно, хотя в помещении стоял явственный запах табака.

– Интересно, это зона для курящих или некурящих?

– А ты бы как хотел?

– Ясное дело, для курящих.

– Значит, это зона для курящих.

Градов поспешно достал сигареты и с удовольствием закурил. Официант принес меню. Филин для проформы пролистал несколько страничек и уверенно заявил.

– Нечего смотреть. Берем пасту «Прощай, Сорренто».

– А ты уже ел, что ли?

– Нет, но меня заранее проконсультировали.

Градов по привычке скосил глаза на цены. «Прощай, Сорренто» стоило 800 рублей.

– Немало, однако.

– Антоша, расслабься. Во-первых, это дар от заведения. Ну, а во-вторых, мы этот дар не примем. Надо держать марку. Но тебе это будет мой маленький подарок. В благодарность за хорошую работу.

Градова неприятно резанули последние слова, и он поморщился.

– Ну, а в-третьих, ты этот подарок не примешь, потому что благодаря хорошей работе вполне платежеспособен.

– Если ты еще что-нибудь скажешь, я сейчас встану и уйду.

Филин замолчал и внимательно присмотрелся к собеседнику.

– Я смотрю, Антоша, тебе самому требуется психотерапевтическая помощь.

– Мне требуется, чтобы не давили на больную мозоль.

Принесли пасту, и Филин сразу переключился на еду. Какое-то время ели молча. Официант разлил красное вино из пузатой бутылки. Вино было кислое, но уже после первого бокала Градов расслабился, и у него появился аппетит. Филин вытер губы и сказал:

– Действительно, непонятно, почему «Прощай, Сорренто», а не «Здравствуй, Москва», например. Халтурщики кругом, скажи, Антош. А процветают ведь...

Градов пробормотал что-то неопределенное.

– Но аппетит утоляет. Ты утолил аппетит?

– Утолил.

– Ну, тогда к делу. Тут Сан Саныч идею подкинул.

Сан Саныч был филинским спонсором и регулярным поставщиком пациентов. Как таковые спонсорские услуги уже не требовались, клиника давно перешла на самоокупаемость и даже давала неплохую прибыль. Однако каждый раз, когда работа налаживалась и приобретала некоторую стабильность, появлялся Сан Саныч с очередным рационализаторским предложением.

Сан Саныч Войчук владел сетью загородных пансионатов, проживал в доме на Рублевке и имел соответствующий круг знакомых. Эти знакомые и становились пациентами филинской клиники. В основном это были жены его рублевских соседей. Жены рассказывали своим подругам, а те передавали дальше по цепочке, и бизнес потихоньку расширялся. Против ожиданий выяснилось, что контингент жен достаточно широк и большинство из этих с виду благополучных дам нуждаются в психологической поддержке. Филину пришлось даже расширить штат врачей и психологов. В этот момент появился Сан Саныч и предложил ввести новые формы помощи, а конкретно – помощь на дому. Именно тогда Градов решил купить свой первый автомобиль. Все пациентки жили за городом, и добираться туда без машины было проблематично, да и несолидно. Он давно уже хотел это сделать, но было боязно. Все время казалось, что это неожиданно свалившееся благоденствие кончится и не станет денег, а машину надо содержать, да и вообще, зачем она ему тогда нужна. Да и родители подливали масла в огонь. Они в принципе относились с опаской ко всему происходящему, а уж к градовской деятельности особенно. Но теперь у него был предлог, тем более сумма, достаточная для покупки машины, имелась, и он отметил про себя с робкой радостью, что у него могут скопиться какие-то деньги, и это, оказывается, очень приятно. Однако с самого начала с помощью на дому как-то не заладилось. Градов приезжал к пациентке, но ее не оказывалось дома. Прислуга предлагала подождать. Он ждал, периодически названивая пациентке на мобильный, но абонент был недоступен. Каждые десять минут ему приносили кофе и спрашивали, не надо ли еще чего-нибудь. Все вели себя так, как будто ничего не происходит и все в порядке вещей. Градов нервничал, он не знал, как следует поступать в подобной ситуации. Наконец раздавался звонок, и дама коротко сообщала, что у нее на сегодня был назначен стоматолог, и не могла же она его отменить. В голосе звучал вызов, хотя Градов молчал и никаких претензий не высказывал.

– Визит вам оплатят. Всего доброго.

Так повторялось несколько раз с несколькими пациентками, пока наконец ему не удалось застать одну из них дома. Дама была сама любезность. Поила его кофе, свежавыжатым соком, показывала свои любимые цветы в зимнем саду и коллекцию маленьких фарфоровых чашечек. Когда наконец уселись в кресла, она чем-то опечалилась.

– Антон Леонидович, я хотела с вами поговорить, только это между нами.

Градов еще раз заверил ее в полной конфиденциальности всех их разговоров.

– Антон Леонидович, я вам уже говорила, что в моей жизни масса проблем, с которыми мне и без того трудно справляться.

Градов понимающе кивнул. Она склонилась к нему и немного понизила голос.

– Я и так сижу здесь безвылазно, и, чтобы выехать в город, каждый раз нужно придумывать повод. И короче... блин... неужели нельзя там как-то сказать, ну... что в офисе, мол, лучше...

– То есть вы хотите сказать, что в обстановке офиса вы чувствуете себя более комфортно, вам легче раскрыться и лечение соответственно результативнее?

Она просияла.

– Точно! Один в один.

По дороге домой Градов набрал номер еще одной пациентки, которая регулярно лечила зубы во время их сеансов, и спросил, не будет ли ей удобнее продолжать занятия в офисе их клиники.

– Да не то словечко! Только в офисе клиники! Я вас прямо расцелую, Антошенька Леонидович!

Он срочно поделился своими изысканиями с Филиным, объяснил, что долго так продолжаться не может, несмотря на то что клиенты платят даже за пропущенное занятие.

– И вообще, откуда эта идея взялась, что тетки хотят заниматься на дому?

– От их мужей.

Однако Филин все же переговорил с Сан Санычем, взял правильный тон, и тот в свою очередь тоже с кем-то переговорил, и все вернулось на круги своя.

Следующей идеей Сан Саныча явилось проведение коллективных психотерапевтических семинаров с выездом на неделю в один из его загородных пансионатов. Филин как всегда не спорил и даже обрадовался явной выгоде предстоящего мероприятия.

– Видишь, Антоша, работка у тебя какая! Отдыхай, в баньке парься, ну а в свободное время дуй им что-нибудь в уши. Ну, не мне тебя учить.

В первый день занятия назначили на десять утра, и где-то к полдвенадцатого дамы собрались в отведенном помещении. К часу они уже сильно устали и договорились продолжить после перерыва на обед и последующих оздоровительных процедур. В шесть Градов отправился их искать, но все комнаты были закрыты, и на стук никто не отвечал. Он нашел их в бассейне, весело резвящихся в компании молодых массажистов. Они замахали руками, призывая Градова присоединиться. В воздухе сильно пахло алкоголем. Градов сдержанно поблагодарил и вышел. После ужина он нашел их в баре. Они были уже очень веселые, и ни о каких занятиях и речи не могло быть. На следующее утро вообще никто не пришел, не было их и в бассейне. Когда он поднялся на этаж и постучал в одну из комнат, из нее бодрым шагом вышел один из массажистов, обвязанный банным полотенцем, и вежливо с ним поздоровался. Градов спешно позвонил Филину и обрисовал ситуацию.

– Антоша, не заморачивайся. Они что, маленькие? Сами знают, как им время проводить. Ты ж им не нянька, а специалист высокой квалификации. Вот и держи марку.

– Ну как ее держать? Я ж ничего не делаю.

– Как это не делаешь? Ты делаешь все, что от тебя зависит. И вообще не будь занудой. Ты сказал, они услышали. А дальше каждый сам решает, что ему важнее. У нас свободная страна.

– Но ведь они деньги платят...

– Вот они и получают удовольствие за свои деньги.

Через три дня про семинары уже никто не заикался, и некоторые дамы, случайно проходя мимо, Градова не узнавали и лишь рассеянно кивали в ответ на его приветствие. А на четвертый неожиданно приехал муж одной из пациенток и тоже застал номер закрытым. После его настойчивого стука оттуда также вышел массажист, обернутый полотенцем, а что было дальше, Градов узнал от потерпевшей лишь через неделю в своем офисе. Она уверила его, что массажист выполнял свои профессиональные обязанности, и муж будто бы тоже поверил, но все равно отобрал все бриллиантовые украшения.

– Прямо все?

– Ну, не все, конечно... Два кольца, одну диадему. Браслет платиновый, мой самый любимый, серьги в виде капли...

Градов уже пожалел, что спросил, но теперь прерывать нельзя было. Это было одним из базовых правил психотерапии.

К несказанной радости Градова, выездные семинары прекратили, причем инициатива исходила не от клиники, а от самих клиентов. Расстроенный муж вообще грозился прикрыть эту лавочку, так как бордель он не оплачивал. Его заверили, что это было недоразумение, и как раз его супруга усерднее других посещала семинары, а ее лечащий доктор крайне доволен результатами лечения. Какое-то время Филин боялся, как бы их и вправду не прикрыли под горячую руку, однако все обошлось. Но оказывается, Сан Саныч не уgomонился. Суть его нового предложения заключалась во внедрении методик духовного очищения. Он даже принес для ознакомления несколько книг под общим названием «Лунный свет». Так называлась новая методика очищения души от скверны, разработанная российским гуру и внедренная как в России, так и за рубежом. Сам гуру именовал себя Луна. И от этого происходило название метода. Филин захватил с собой пару его книжек в ресторан. Оказалось, что они вышли в том самом многопрофильном издательстве, в котором работала новая градовская пациентка, но, к счастью, ее фамилии на титульном листе не оказалось.

– Сан Саныч говорит, что уже крупные нефтяные холдинги готовы башлять немереные бабки за очищение душ своих сотрудников.

– Я не понял, Стасик. Чего ты предлагаешь?

Филин неспешно достал сигарету из пачки, покрутил в руках зажигалку и аккуратно поднес ее к сигарете.

– Я предлагаю, чтобы вы, Антон Леонидович, продолжили дело великого целителя.

– А он что, умер?

– Почему умер? Жив, курилка. А что?

– Ну, ты говоришь – продолжить дело...

– Не придирайся к словам. У нас пока кишка тонка его самого заполучить. Короче, делом тебе заняться предлагаю.

Градов нервно хохотнул.

– Ты это серьезно, Стасик?

– Абсолютно. А что тебя смущает? Если есть товар и есть спрос, почему бы его не удовлетворить?

Градов разволновался. С одной стороны, он знал, что всегда может отказаться, но при этом отказаться еще ни разу не удавалось.

– Мы же с тобой договаривались...

– О чем? О том, что ты будешь искать свой метод лечения? Так ищи. Кто тебе мешает? Только параллельно надо деньги зарабатывать.

– А я не зарабатываю?

Филин скривился.

– Антоша, о чем мы с тобой говорим? Какое лечение, если девяносто процентов твоих теток – это тупые бездельницы, которые не знают, как себя развлечь. А десять процентов – действительно люди больные, которых надо лечить таблетками. Ты понял? Таб-лет-ка-ми. Ну и уколами. И никакая болтовня им не поможет.

– Ну, так тебе мало, что я как клоун развлекаю твоих теток? А насчет таблеток, я не согласен. Ты это прекрасно знаешь...

– Вот на них и тренируйся. Короче, я спорить с тобой не собираюсь... Мне дело надо делать.

– Ну и делай свое дело. Только без меня.

Филин оторвал взгляд от зажигалки и посмотрел на Градова.

– Ах, вот так вот?

– Да, вот так вот.

Помолчали. Градов судорожно соображал, что он будет делать, если останется без работы. В свое отделение точно не вернется. А главное, он впервые не был уверен, что хочет возвращаться в медицину. Получалось, что он впустую принес такие жертвы, фактически сломал себя, и ничего не понял и не до чего не докопался.

– Значит, даже с книжечками не хочешь ознакомиться?

И Филин погладил обложку одной из принесенных книг.

– Зачем мне знакомиться с этой фигней? Мне на нормальные книги времени не хватает... Стасик, подумай немного, не зарывайся! Какое духовное очищение? Какие методики?

– Это ты подумай! Это сейчас тебе кажется, что ты получаешь большие деньги. Речь идет совсем о других деньгах. Это корпоративы в больших компаниях...

Он сделал паузу.

– Ты думаешь, не найдется желающих на это место? Еще как найдутся. Все хотят жить хорошо. А ты ищи со своими тетеньками смысл жизни. Ищи, ищи...

– И буду искать...

Градов не мог поверить в свое счастье. Получалось, что его оставили в покое и при этом не выгнали. Надо было и раньше настаивать на своем, и он бы не потратил столько времени на бредовые затеи Сан Саныча.

– Только имей в виду. Человек, который боится сдвинуться с места, ничего не добьется.

– Обязательно буду иметь в виду. А ты имей в виду, что человек, который играет в опасные игры, может получить по голове. Правда, Сова, может, не надо...

Совой Филина, что называется, назначили сверху. Лекции по патанатомии вел у них довольно крепкий старикан, который плохо слышал, но зато хорошо видел и запоминал. Филин, как всегда, опаздывал минут на сорок. Он робко постучался и приоткрыл дверь. Профессор предложил войти, долго и внимательно разглядывал вошедшего, а потом спросил фамилию.

Стасик произнес с грустной обреченностью:

– Филин.

– Как, простите?

– Филин.

Профессор задумался.

– Что-то я не понял...

Валера Семушкин, сидевший на первом ряду, услужливо подсказал.

– Филин. Птица такая... Ну, как сова...

И выразительно помахал руками, как крыльями. Профессор обрадовался.

– Ах, Сова! А звать как?

Филин прокричал громко и отчетливо:

– Станислав!

– Понял, понял... Не надо кричать. И опаздывать не надо. Вот я обратил внимание, что вы еще ни разу не пришли вовремя.

Эта история имела продолжение. На следующей неделе Филин опоздал всего на 20 минут, ворвался в аудиторию, взмыленный, приготовившись оправдываться. Но профессор сразу перебил его:

– Вы меня, конечно, извините, но в списке я вас не нашел. Там есть только один Станислав – Филин.

Стасик немного растерялся, потом сказал неуверенно.

– Так это же одно и то же.

* * *

– Севчик! Ну, Севчик! В волейбол играть идешь?

Он выскакивал из калитки и мчался на волейболку по песчанке, лавируя между мамашами с колясками, с которыми на бегу здоровался, а они ему никогда не отвечали. То ли просто не замечали, то ли не слышали. Но на этот раз по дороге никто не встретился, да и волейболка была пуста. Даже сетка не висела. Он прошелся по площадке. На ней валялось много камней и строительного мусора, некоторые доски были полусгнившими. Он попробовал толкнуть ногой большой камень с неровными краями, но тот как будто врос в землю. Сева хорошо помнил, что вчера ничего такого не было, да и никогда не было. Вечером до темноты играли взрослые, так что им уже не удалось сыграть ни одной партии. Только Чижика взяли в свою команду, взрослые всегда его принимали. Он был длинный и три года занимался в волейбольной секции, поэтому игру не портил, а даже иногда вытаскивал безнадежные мячи. Чижика часто хвалили, но он делал вид, что ему это по барабану, называл всех козлами и лепилами, с которыми играть невозможно. Севу взрослые не брали никогда. Да что там взрослые, его и ребята принимали только, когда в команде было не больше трех человек. Потом долго звонили в гонг и, уже убедившись, что никто больше не придет, милостиво разрешали встать на площадку. При этом они долго морщились и предупреждали, что он играет до первого пропущенного мяча. Мячи пропускали все, но никого не ругали и никому не читали нотаций.

Сева огляделся. Вокруг не было ни души. Значит, над ним подшутили и никто играть и не собирался. Его пронзила такая боль, что он даже присел на торчащий камень. Значит, теперь не будет волейбола вообще, и он никогда не сможет доказать, что он такой же, как все. Да и кому доказывать? Нет никого вокруг. Только доски и холодный камень, на котором он сидит...

В момент пробуждения он даже не понял, где находится. Из окна пахло пряностями и свежей выпечкой. Слышалась незнакомая речь, и тогда он вспомнил, что он в Мадриде, у Славки Черенцова.

Черенцов возник из небытия, когда Мансуров о нем и думать забыл. Они не виделись около десяти лет, с момента получения диплома. Первое время перезванивались, а потом Сева потерял его телефон, вернее сменил записную книжку, а черенцовский телефон решил не переписывать за ненадобностью. Хотя в университете они дружили. Но дружба эта была вынужденной: они были единственными мальчиками в группе, и это их сближало и озлобляло одновременно. Филфаковские девочки их за мужчин не держали по определению, и это определение настолько крепко к ним прилипло, что они стеснялись друг друга, но когда оставались вдвоем, долго и желчно обсуждали соучениц и свое вынужденное присутствие в этом болоте. При девочках они делали вид, что их ничего не объединяет, так как каждый из них, хоть и был филфаковским мальчиком, себя таковым не считал.

Сева действительно попал на филфак случайно и долго не мог смириться со своей несчастливой судьбой, которая поступила с ним столь неожиданно и подло. Он уже давно видел себя на журфаке, да и все было к этому готово. Статьи на творческий конкурс готовили вместе с Галей Брехт. Он приносил ей материал на заданную тему, она правила, но никогда не давила. Подробно объясняла, почему бы она изменила данное место, хотя он и сам написал очень даже неплохо. Но все-таки... Он опять правил, она опять хвалила, но все-таки что-то добавляла или меняла. В итоге каждый материал был доведен до совершенства. Отец взялся пристроить материалы в молодежные издания. Издания тянули с публикацией, но отец говорил, что все идет по плану. Уже перед самыми выпускными отец показал опубликованные статьи. Сева читал и не узнавал. Вначале он думал, что статьи сильно откорректированные, но он точно помнил, что не писал о комсомольцах, нашедших могилы неизвестных солдат. Он вообще о комсомольцах не писал, да и о солдатах тоже. Галя в этих темах не разбиралась и помочь не могла. Отец очень деликатно объяснил, что когда Сева будет студентом, он будет писать, о чем захочет, а пока придется выполнять требования выше. И он пальцем показал на потолок. На самом деле Севины материалы очень понравились редакторам. Очень понравились. Они даже удивились, что такой молодой, даже юный человек так профессионально пишет. Севу эти слова не очень успокоили, тем более он не забывал о Галином вкладе в его творчество. Несколько дней обида не проходила, и он думал о том, что теперь часто придется подстраиваться и играть по чьим-то правилам. Но с другой стороны, не мог же он отказываться от профессии. Он хотел быть журналистом всегда, даже тогда, когда не имел понятия, что это такое. Дальше были выпускные экзамены, после которых родители торжественно объявили, что Сева прошел творческий конкурс на журфак и допущен к вступительным экзаменам. По этому поводу приехала бабушка, они долго сидели за столом, много говорили о Севином будущем, которое без сомнения прекрасно, но многое будет зависеть и от самого Севы, но они-то знают Севины возможности и уверены, что он не подкачает. Бабушка произнесла длинный и витиеватый тост о том, насколько Сева творчески одарен, какое у него чувство слова и воображение. Она даже под конец расплакалась, и все долго и шумно ее утешали. Севе было неприятно слышать эти слова от бабушки. Сразу вспоминалась дача, то, как он прибежал красный и зареванный после очередной стычки с ребятами. Бабушка требовала подробного рассказа, слушала молча, с непроницаемым лицом и в конце заявляла, что больше он не пойдет к этим ребятам, потому что надо знать свое место. Он всегда допытывался, какое место она имеет в виду, но по всему выходило, что место это незавидное, в то время как остальные ребята по каким-то необъяснимым причинам достойны куда более престижных мест. Он допытывался, почему она так считает, но бабушка всегда уходила от ответа, ограничиваясь фразой «так случилось».

Последний месяц перед экзаменами были сплошные репетиторы, Сева уставал, не высыпался, но постоянно пребывал в радостном возбуждении. Уже совсем скоро начнется другая жизнь, где будет свобода и его наконец оценят. Ему уже сейчас казалось, что не было никогда школьно-дачной эры и все это было не с ним или приснилось в страшном и долгом сне. Он вообще плохо помнил этот месяц перед экзаменами, он пролетел как один миг и так же внезапно кончился. Были какие-то звонки, нервные переговоры отца, шепот из родительской спальни. Севе надо было к девяти на другой конец Москвы, к литератору. Он уже проснулся, но еще лежал. В комнату вошли мама и папа. Мама села на кровать, а папа остался стоять. Сева сразу испугался. Папа сказал как-то неестественно торжественно:

- Сева, тут немного изменились обстоятельства...
- Какие обстоятельства?
- Дело в том, что Павел Иванович больше не декан...

Последний год имя Павла Ивановича Стружко поминалось в их семье чаще, чем имена близких родственников и знакомых. Они с отцом когда-то учились вместе, а последние

лет пятнадцать Павел Иванович был деканом журфака. Говорили, что он сам предложил помощь, и отцу даже не пришлось ни о чем просить. Вроде бы они всегда были друзьями, однако до этого года Сева даже имени такого не слышал. Сейчас Павлу Ивановичу звонили не реже, чем раз в неделю, причем к звонку готовились. Мама садилась рядом, внимательно следила за папиной артикуляцией, готовая в любую минуту подсказать что-то особо ценное и своевременное.

Сева никак не мог осознать услышанное.

– Но он же вчера был деканом?

Родители переглянулись. Папа сказал:

– Вчера был, а сегодня нет. Начинаются трудные времена, Севочка. Но мы уже все продумали. Ты идешь на филфак, на русское отделение. Там мальчишки на вес золота...

На этих словах мама нервно захихикала, но отец посмотрел на нее строго, и она снова приняла скорбный вид.

– ...поэтому там тебя не завалят. Это гарантированно.

– А как же творческий конкурс?

– А творческий конкурс ты прошел, и этого никто не отменял. И ты должен об этом всегда помнить. Ничего, Сева, все, что ни делается, все к лучшему.

Мама интенсивно закивала.

Потом у Севы началась истерика, все испуганно бегали вокруг него, куда-то звонили, приезжал папин доктор. А дальше были вступительные экзамены, которые он успешно сдал, но ему уже было все равно.

В комнате было накурено, и от этого запаха начинало тошнить. Голова болела с утра, и она даже попыталась уговорить Петю не идти к Хромовым, но тот возмутился, сказал, что это в принципе невозможно, и чтобы она не кисла, и ей, наоборот, надо встряхнуться и тогда все пройдет. Он прекрасно знал, что ее мигрень длится не меньше трех дней, и никакая встряска ей не поможет. Первые годы совместной жизни Петя никак не мог поверить, что ей настолько плохо, а потом проникся, очень жалел, мог часами сидеть рядом в темной комнате и держать ее руку. Она просила его что-нибудь рассказывать, и он бубнил что-то монотонное, как делают взрослые, когда убаюкивают ребенка. А Маня лежала с закрытыми глазами и думала, что мигрень пройдет и ее можно вытерпеть, а Петя останется. Навсегда. После рождения Линки около года мигрень не возвращалась. Говорили, что так бывает: гормональная встряска. Может, вообще не вернется. Маня надеялась, но каждый месяц ждала приближения ее первых, туманных симптомов. И мигрень вернулась. Это принесло какое-то парадоксальное облегчение. Вроде все стало на свои места. Жизнь продолжается.

Маня незаметно встала из-за стола и вышла на балкон. Ее окатило морозным воздухом, и на мгновение показалось, что голова прошла, но она знала, что это не так, что боль просто ушла внутрь. Дверь распахнулась, и вошел Петя. Она подумала, что он принес дубленку и сейчас будет ругать, что вышла голая в такой холод, но он сразу заговорил возбужденно и радостно:

– Манька, Хромовы сказали, что мы остаемся у них.

Она резко обернулась.

– Как остаемся? У меня мигрень, Петя!

Его взгляд сразу стал холодным и отчужденным. Она знала этот взгляд и боялась его. В такие минуты он становился непробиваемым, и это было хуже любой ругани или обиды.

– Ты, как обычно, хочешь все испортить?

– Что испортить?! У меня мигрень, Петя!

– У тебя всегда мигрень.

На глаза навернулись слезы, и она быстро вдохнула воздух. Сказала тихо:

– Мне нужно лечь спать в свою постель, ты же знаешь.

– Ты и тут можешь лечь. Я же тебе сказал: это очень важная встреча. Можно хоть раз не капризничать?

Каждая встреча с Хромовым была очень важной. Сергей Васильевич Хромов владел сетью частных лабораторий по всей Москве, которая постоянно расширялась, и Петя с Васильчуком уже три года поставляли ему оборудование. Маня была уверена, что Хромов их дурит, даже пыталась поговорить с Петей. Это были еще те времена, когда они все обсуждали. Но на этот раз он ее сразу оборвал, начал кричать, что она ничего не понимает, что Хромов – не хапуга, а мужик незаурядный, и это счастье, что он им попался. А вот она как раз любит всех грязью обливать. Неважно, хороший человек, плохой, ей главное – измазать. Это было настолько несправедливо, что она даже не нашлась, что ответить. Долго с ним не разговаривала, ожидая, что он придет мириться, а потом ее вдруг осенило, что он сам все понимает, но вынужден терпеть эти унижения, потому что по-другому нельзя. И ей стало жалко Петю, до боли в груди, и она плакала, и он потихоньку оттаивал.

Сейчас, стоя на балконе, она почувствовала, что нет сил спорить. Было холодно, и раскалывалась голова. В ванной долго умывалась холодной водой. К ней зашла Лида, черновская жена, и обняла ее сзади. Маня вздрогнула от неожиданности.

– Бедняжка, что ж ты сразу не сказала?

В руках она держала комплект постельного белья. Потом они поднялись на второй этаж, в гостевую спальню. Хромов купил эту квартиру в Строгино несколько месяцев назад, и с тех пор взял моду устраивать домашние посиделки. До этого встречались только в ресторанах. Ему очень нравилось небрежно разжигать камин или шумно сетовать, как трещит гардеробная от Лидкиных нарядов. Если б он знал, спланировал бы две гардеробные, но разве ж с этими бабами можно что-то планировать. Маня кидала быстрый взгляд на мужа, но тот не реагировал, всем своим видом поддерживая чаяния хозяйина. Она не обижалась. Это было что-то вроде дресс-кода. Хочешь удержаться в коллективе, играй по правилам этого коллектива.

Она помнила, как однажды ее заставили срочно править чью-то рукопись. Кто-то там не успел, уехал или заболел, а завтра надо было сдавать в типографию. Она позвонила Пете, пожаловалась, что придется сидеть поздно, они вместе обругали начальство, и ей как обычно полегчало. Добралась домой около десяти. Петя с кем-то разговаривал по телефону и не слышал, как она вошла. Пока снимала сапоги, услышала обрывок фразы:

– Да нет ее до сих пор, представляешь?... Где, где? По магазинам ходит, мало ей тряпок...

Маня замерла с сапогом в руке. Бедный Петя! Ему даже неудобно сказать, что она пашет, как проклятая. Нормальные жены его круга должны заниматься ежедневным шопингом, капризничать, чего-то требовать. А ему так хочется, чтобы она была, как все. Вернее, ему этого не хочется, но он вынужден подыгрывать, раздваиваться, притворяться. Когда она вошла в комнату, он смутился, но Маня сделала вид, что ничего не слышала...

Лида стелила постель для Мани. Руки ее быстро и ловко выворачивали наволочку, встряхивали пододеяльник. Маня так не умела. Да и вообще, если бы она так потрянула подушку, из нее бы посыпались перья. Но сейчас не было сил об этом думать. Лида сказала:

– Вот тут у тебя своя ванна, туалет. Ну, ты знаешь...

Маня кивнула. Лида присела на кровать, внимательно посмотрела на нее.

– Что, совсем плохо?

– Да у меня всегда так. Если зарядит, то дня на три. Даже таблетки пить бесполезно.

Ей хотелось, чтобы Лида скорее ушла, то та сидела и о чем-то размышляла.

– Слушай, у меня доктор есть, обалденный... Николай Иванович... Как же я забыла...

- Какой доктор?
 - Я ж говорю – обалденный!
 - Ну от каких болезней? Мигрень не лечится...
 - Ой, не лечится! Николай Иванович все лечит.
 - А как он лечит?
 - Ну, таким вроде массажем...
 - Массажист?
 - Да нет, не массажист. Остеопат.
 - Остеопат? А что это такое?
 - А тебе какая разница, что это такое? Тебе надо, чтобы голова прошла.
- Лида начала копать в памяти телефона. Маня испугалась.
- Ты что, его сейчас вызывать хочешь? Уже десять часов. Он никуда не поедет.
- Лида хохотнула.
- Еще как поедет. За такие бабки он на Северный полюс прискачет, только позови...
 - А какие бабки? Я даже не помню, сколько мы с собой взяли.
- Лида отмахнулась.
- Да оставь ты! Сергуня заплатит. Даже не заморачивайся...

Маня представила себе картину, как среди ночи врывается какой-то доктор, все суетятся, крутятся, Петя кидает на нее страшные взгляды.

- Лид, давай не будем. Я же не умираю...

– Еще не хватало, чтобы ты умирала! Себя надо любить, жалеть и холить. Ты у себя одна. Больше никто не пожалеет.

- А Сергуня тебя разве не жалеет?

Лида уставилась куда-то в пространство, и взгляд ее ничего не выражал.

- Сергуня-то? Сергуня жалеет... В общем, я звоню.

- Лид, не надо! У меня уже и голова прошла. Правда...

Лида засмеялась.

- Да врешь ты все! Как маленькая, докторов боится.

Лида выпрямилась, закинула ногу на ногу, как будто бы ее мог видеть телефонный собеседник. Ноги были длинные, модельные. Один раз Маня видела ее с неестественно отекавшим лицом, но та сразу предупредила, что сделала процедуру и смотреть на нее не надо, а завтра-послезавтра все придет в норму. Маня, желая польстить, спросила, зачем в двадцать три года делать процедуры.

- А что ж их в тридцать три делать?

- И в тридцать три не надо.

- А когда же?

Петя потом ее отчитывал, что в ее тридцать восемь пора уже иметь мозги. Нашла перед кем бисер метать! И он был прав. С Лидой она никогда не знала, что можно сказать, а чего нельзя. Да и молчать было неудобно. Маня еще застала первую жену Хромова, Тамару. Та была его ровесницей. Ей уже было под пятьдесят, когда Маня с ней познакомилась, и внешности та была отнюдь не модельной, однако совсем не комплексовала, а даже, наоборот, всегда демонстрировала свое превосходство. Мане было с ней еще труднее, чем с Лидой. Вся она была такая неестественная, словно гуттаперчевая, и голос, и смех, и движения, и только неприятный и резкий запах изо рта выдавал ее живую природу. Маня даже обрадовалась, когда ее сменили на Лиду. Хотя сам поступок шокировал и удивлял. Такие люди, как Тамара, никогда не проигрывают. Петя сказал, что она и не проиграла, такой куш отхапала у бедного Хромова при разводе, что и ей, и двум ее дочерям хватит на безбедную жизнь до самой старости.

Врач стремительно вбежал в спальню, чмокнул Лиду и, не глядя на лежащую Маню, начал быстро разбирать сумку. Ориентировался он тут как у себя дома. Лида поднялась с кресла, лениво потянулась.

– Ну, ладно. Не буду вам мешать.

Врач нагнулся над Маней, улыбнулся стеклянной улыбкой.

– Ну, что, давно болеем?

– Сегодня первый день.

– И месячные, наверное, сегодня первый день.

Маня засмузилась.

– Да. Завтра должны начаться...

– Понятненько...

Он открыл какое-то масло и начал втирать в ее кисти рук. Слегка помассировал запястья.

– Давай-ка ляжем на животик.

Маня быстро и неловко перевернулась. Ее не оставляла мысль, что доктор делает ей одолжение, так как давно понял, что она из другой касты, затесалась тут случайно, и он оказывает любезность исключительно из уважения к хозяевам. Еще она все время прислушивалась к тому, что происходит внизу. Ей казалось, что все прекратили праздновать и обсуждают ее состояние. Однако оттуда доносились взрывы хохота, кто-то требовал поставить другую музыку, а остальные возражали.

– Лапонька моя, а вот напрягаться не надо.

Он двумя пальцами массировал шейные позвонки, и ей даже показалось, что становится легче, однако до конца расслабиться не получалось.

– А вы до этого каким доктором были?

– До чего, до этого?

– Ну, до этой, остеопатии.

– Анестезиологом был.

– А почему сменили специальность?

– Тихо, тихо, лапуль, не вертись.

Маня никак не могла вспомнить, как его зовут, но и тот явно не интересовался ее именем. Она чувствовала, что надо прекращать задавать вопросы, но молчать теперь было неудобно.

– Я слышала, врачам не платят совсем.

– Угу.

– Поэтому все и уходят?

– Уходят туда, где от них больше пользы.

Маня попыталась кивнуть, но он зафиксировал ее голову, так что она какое-то время не могла говорить. Потом велел повернуться на спину, и опять двумя пальцами мнял какие-то точки на плечах. Во всех его действиях чувствовалась уверенность и жесткость. Она подумала о докторе Градове. Тоже занимается невесть чем, а ведь, наверное, в прошлом был врачом. А теперь все стали рвачами, надо же как-то деньги зарабатывать. Однако Градов был куда менее уверен в себе и в какой-то момент она даже почувствовала его смущение и какое-то бессилие, и ей стало его немножко жаль, но только на мгновение. Вообще с Градовым было как-то полегче, не было ощущения собственной чужеродности и ущербности. Видимо, он еще недостаточно раскрутился, чтобы почувствовать себя хозяином жизни, как этот остеопат.

Она даже не помнила, как уснула, как ушел доктор, а когда проснулась, было утро и рядом храпел Петя. Он спал одетый, и от него сильно пахло перегаром. Она прислушалась к себе: боли практически не было, но мигрень сидела внутри, как это бывало обычно на

третий день перед тем, как спазм начинал потихоньку разжиматься. Теперь главное было добраться до дома и там отлежаться.

Как только сели в машину, Петя сказал:

– Ну, и зачем ты все это устроила?

– Я ничего не устраивала. Это Лида придумала.

– Ты знаешь, сколько стоит этот лекарь?

– Сколько?

– Шесть штук, как с куста.

– Ужас! Я ей говорила не звать. А кто платил?

Он оторвал глаза от дороги и посмотрел на нее.

– А ты считаешь, за тебя все должны платить?

– Я не считаю...

Она чувствовала, что сейчас разрыдается, а этого нельзя было допускать. Будет еще хуже – и Пете и голове.

– Серега ему деньги сунул, я даже пикнуть не успел. Я перед уходом подложил под бизона.

У Хромовых на столе стояла большая статуя бизона, которую снимали, когда накрывали на стол.

Петя сказал уже более спокойно.

– Я тебя прошу больше таких фокусов не устраивать. Ты понимаешь, что люди не любят проблем и проблемных. Хромов сказал, что ты затюканная.

Он засмеялся.

– Ты хочешь, чтобы я всем дебилам доказывала, что я не такая?

– Манюнь, но я же должен с ним общаться. Ну, ты согласна?

Маня кивнула.

– Подожди, будет и на нашей улице пенек гореть! Вот тогда все эти Хромовы будут к нам на поклон ездить.

В его глазах загорелся знакомый огонек азарта, который Маня ненавидела и боялась. Она-то знала, что жить, как Хромовы, они никогда не будут, да и не надо. Только бы Петя стал прежним.

Она тогда ехала в больницу к отцу. Настроение было ужасное, и тоже была мигрень. Отец настоял, чтобы она съездила в редакцию и там все узнала, хотя было ясно, что это ни к чему не приведет. Родители были уверены в ее скрытых талантах и всячески поощряли ее писательские потуги. Она каждый раз зарекалась, что не будет им ничего рассказывать, но потом не могла сдержаться, зачитывала какие-то особо любимившиеся места, и они шумно восхищались. Потом зачем-то рассказала, что отправила рассказ в редакцию «Юности», а уже письмо с отказом достала из почтового ящика мама. Бедная, наивная мама! Она дождалась, пока пришел с работы отец, и торжественно вскрыла конверт. Потом Маня убежала на балкон и полчаса там плакала. А когда вышла, отец усадил ее и долго и убедительно рассказывал про тернистый путь, про то, что если человек хочет, он всегда добивается. Она никогда не знала, верит ли отец в то, что говорит, и никогда не задумывалась, что давали ей эти разговоры. Только потом, когда разговаривать стало не с кем, она испытала физическую потребность услышать этот голос, неважно, что говорящий, но успокаивающий. На следующий день отец ложился в Первую Градскую на обследование. Он тогда настоял, чтобы она дурака не валяла и поехала в редакцию. Пусть ей там конкретно объяснят, какие у нее недочеты и что надо исправить. В редакции ее дальше предбанника не пустили. Блондинка с типичной внешностью библиотекарши порылась в толстом журнале, нашла ее номер и сказала, что рассказ сырой и никакой новой идеи не несет.

– А какие идеи новые?

Блондинка близоруко прищурилась.

– Девушка, вот когда вы это поймете, у вас получится хороший рассказ.

Отец наверняка будет ругать ее за то, что так быстро сдалась. Скажет, что надо было не отступаться и выяснить точно, что им требуется.

В палате с отцом лежали еще три старика, и Маню кольнула обида, что он, такой молодой, уже лежит в кардиологии, месте, предназначенном для старости. Отцу тогда было около шестидесяти. Маня родилась, когда ему было сорок, но всегда знала, что он молодой. Последнее время, после приступа, он сильно сдал. Вначале ставили страшные диагнозы, мама подняла на ноги всех знакомых, искала каких-то светил. В итоге сказали, что это запущенная стенокардия, надо обследоваться, лечиться, вести здоровый образ жизни. Отец смеялся, говорил, что и раньше не безобразничал, а мама как всегда впадала в панику. Последнее время он чувствовал себя хорошо и лег в больницу только потому, что была строгая договоренность с одним из светил.

Он лежал на кровати без книжки, и вид его Мане сразу не понравился. Был он какого-то желтого больничного цвета, но при этом бодрился и нарочито улыбался. Ей показалось, что его даже не очень интересует результат Маниной поездки, и стало страшно, и захотелось убежать, а потом войти снова и увидеть его совсем другим.

– Ну, что тебе сказали?

– Да ну, пап, что они могут сказать. Рассказ сырой, пиши, ищи идеи.

– Ну, и что ты думаешь?

– А что мне думать?

– Ну, наверное, надо писать дальше...

Она скривилась.

– Кому это надо?

– Тебе надо. Неужели ты хочешь так быстро сдать?

Она вздохнула.

– Значит, мне не дано...

– Я даже говорить об этом не хочу. Ты просто кокетничаешь. Давай садись, работай, и у тебя все получится. Вот увидишь.

– А ты-то как?

– А что я? Ничего нового пока нет.

– Чего-то ты не рассказываешь...

Он рассмеялся.

– Ты прямо как мама стала. Что тут можно рассказывать? Лежу... Сегодня эхографию делали.

– И что?

– Пока ничего не сказали.

– Как это не сказали?

Вошла сестра, недовольно глянула на Маню.

– Так, быстренько, все посетители выходят. Сейчас доктор придет.

– К кому?

– Я же сказала, все посетители выходят.

Кроме Мани посетителей больше не было.

– Пап, я в коридоре подожду.

Отец приподнялся на локте, быстро заговорил:

– Манют, ты сейчас иди домой. В другой раз придешь, ладно?

Она кивнула. На глаза наворачивались слезы. Присела на банкетку в коридоре. Там сидел какой-то парень и копался в папке с бумагами. Листы постоянно падали на пол, а он

поднимал их и чертыхался. Из папиной палаты вышел один из старичков в тренировочных штанах и отглаженной рубашке, застегнутой на все пуговицы. Он выглядел не таким уж дряхлым, каким показался в лежачем положении. Парень вскочил:

– Вот, Николай Семенович, я почти все разобрал. Еще три минутки.

– Петь, ты давай мне все, как есть. Я сам посмотрю. А то тут уже ругаются.

Маня быстро спросила:

– А вы не знаете, к кому врач должен прийти?

– Не знаю, девушка. Но если вам сказали идти, идите. А то в следующий раз вообще не пустят.

Она оглянулась на парня, но тот сразу отвернулся и принялся сбивчиво и подобострастно желать старичку скорейшего выздоровления. Маня спросила:

– Ваш родственник?

– Нет, слава богу! Руководитель...

– Чего?

– Диплома...

Парень торопливо собирал оставшиеся бумаги в сумку, и ему было явно не до разговоров, а Маня тянула время, чтобы не остаться одной.

– А вы случайно не знаете, где лечащего врача найти можно?

– Понятия не имею. Но с вами сейчас никто разговаривать не будет.

– Почему?

– Потому что у них какие-то приемные часы есть... По утрам, по-моему.

Парень встал и набросил сумку на плечо. Маня быстро сказала:

– Я очень волнуюсь...

Он уже шел в сторону лестниц, а Маня семенила за ним.

– А не надо зря волноваться. Если бы было что-то серьезное, вам бы сказали.

– Вы думаете?

– Уверен. У вас кто там лежит?

– Папа...

Он глянул на нее, но тут же убыстрил шаг. Они уже вышли с территории, и она не знала, куда он пойдет дальше.

– А вы где учитесь?

– В МИРЭА. Радиоэлектроники и автоматики.

– Значит, вы математик?

– Почему математик? Инженер. Буду. Может быть... А вы кто?

Она махнула рукой.

– Не пойми кто.

Он засмеялся и внимательнее посмотрел на нее:

– Это как это?

– Я в Педе учусь.

– Ну, вот. Значит, учитель. А это звучит гордо.

– Нет уж спасибо. Не хочу быть учителем.

– А кем хотите?

– Писателем.

Он присвистнул.

– Что вы говорите? И много уже написали?

Маню подмывало рассказать историю с журналом, но эпопея получалась длинной и она боялась спугнуть мгновенно мелькнувший интерес. Но парень вдруг остановился и начал что-то искать в карманах.

– Мне позвонить надо...

– А у меня карточка есть.

– Да у меня тоже есть, найти надо...

Но она уже протягивала ему свою телефонную карточку.

Поговорив с кем-то минуты три, парень повеселел.

– Пошли вон в тот дворик посидим.

Маня обрадовалась неожиданному повороту. Когда сели на лавочку, он достал из сумки пачку сигарет, предложил Мане. Закурили. Она сказала:

– У меня сегодня такой день был. Ужасный... Ну, все плохо. Все абсолютно.

Парень кивнул.

– Вот и у меня тоже. Если Семеныча не выпишут, вообще не знаю, что делать...

– Этого твоего дедулька?

– Это он только с виду дедулька. Его б энергию, да в мирных целях.

– Слушай, а тебя как зовут? Меня – Маня.

– А меня Петя.

– Ты из-за какого-то дедульки переживаешь. А представляешь, когда папа...

– Да я из-за него не переживаю. Он только косит под больного. Манера у него такая, дело не дело – проверяться. Любит себя до безумия. Ну, ложился бы хоть не в дипломное время...

Выяснилось, что у Пети через два дня защита диплома, а Семеныч мало того что замутил претензиями, так еще за неделю до защиты лег в больницу. Видите ли, у него плановое обследование. Правда, обещал к защите выписаться. Но он и там угомониться не может. Петя ему уже третий раз что-то пересчитывает, а тому все не так. Когда он выбирал руководителя, сразу объяснил, что хочет в аспирантуру. Семеныч сказал, что обещать ничего не может, все будет зависеть от Пети, но он на Петю очень надеется. А сейчас поет, что об аспирантуре даже смешно заикаться. Работа на дипломную с трудом тянет. Если б заранее знал, сроду бы с ним не связывался. Думал, раз из деда песок сыпется, то ему уже ничего не надо. Прощитался. Правда, когда понял, что с аспирантурой облом, подстраховался, принес в деканат справку, что его берут в один НИИ. Там его двоюродный брат работает. Не совсем по его специальности, но это не принципиально. В деканате обещали дать свободное распределение. Но он уже теперь ни в чем не уверен.

– Ладно, пора. Мне тут еще его каракули разбирать.

По дороге к метро Маня судорожно соображала, как бы поудачнее вернуть про редакцию, но сейчас это звучало как-то неуместно.

– А у меня тоже такое творится. Я уж тебе в другой раз расскажу.

Петя намек не понял и телефон не попросил.

Весь вечер Маня думала, как бы отговорить маму от завтрашней поездки в больницу. Тем более отец вечером позвонил, они долго разговаривали, в основном, как она поняла, о ее рассказе. А потом еще она взяла трубку. Отец шутил, велел не кукситься, мол, не сразу Москва строилась, главное, не сдаваться, и все получится. Маня немного покапризничала, хотя в душе радовалась, что отец сам дошел до телефона. Днем ей даже казалось, что он не встает с постели. А может быть, ей просто показалось: в больнице все выглядит страшнее, чем есть на самом деле. Однако она чувствовала, что маме не стоит видеть его в таком состоянии. Маня решила сказать, что завтра ей все равно надо быть в районе Октябрьской, и она заедет в больницу, а вдвоем ехать незачем, но все решилось само собой. Заболела Скворцова с маминой кафедры, позвонила Бабаиха, ее заведующая, и лично попросила маму приехать и принять зачет у скворцовской группы. Бабаиха обычно сама не звонила, а тут снизошла. У них с мамой вообще были натянутые отношения. Это всегда было для Мани загадкой. Мама конфликтной не была и ни на что не претендовала. Это все знали. И вообще на кафедре ее

любили, хотя во время разборок с начальством всегда отмалчивались. Маму это очень обижало. После звонка она расстроилась.

– Ведь знает, что папа в больнице и мне не до этого.

Ей и здесь виделся бабаевский умысел.

В коридоре отделения она сразу увидела Петю, и от волнения забилось сердце.

* * *

– Я об этом все время думаю. Кажется – ерунда, но я-то знаю... Это был мой первый грех, или не первый, но главный. Я про папу тогда не думала. Мне было важно встретить Петю.

– Ну и что? Что тут такого грешного?

– А вы не понимаете?

– Нет, не понимаю. Это в каком году было?

– В девяносто втором.

Градов развел руками.

– Ну что ж вы хотите? Вам тогда лет восемнадцать было?

– Девятнадцать.

– Вот видите. Самый гормон. Однако вы были хорошей девочкой. Ну, согласитесь.

Пациентка задумалась. Сказала неуверенно:

– Не знаю... Не очень...

Градов рассмеялся.

– Ну, нет предела совершенству. Нельзя себя клевать постоянно. Вы не можете объять необъятное.

Было в ней что-то раздражающее. Его всегда отталкивали такие святоши, которые балансировали на грани асексуальности. Ему даже больше импонировали те, которые строили из себя святых. В таких было второе дно, до которого интересно докапываться. Правда, обычно на поверку оно оказывалось не слишком презентабельным, но увлекал сам процесс.

– А муж ваш что по этому поводу говорит?

Она немного смутилась.

– Я ему об этом не рассказывала.

Градов удивился. Она была из тех, кто делится с мужем всем, вплоть до сомнений по поводу цвета кала.

– А что ж так не рассказывали? Разве это хорошо скрывать от мужа свои переживания?

Он испугался, что она сейчас обидится и замолчит, но она сидела, задумавшись, и он не мог понять, почувствовала она его раздражение или нет.

– Я даже не знаю, как объяснить... Он обидится, верней расстроится... И вообще ему и так тяжело...

– Вам его жалко?

Она быстро кивнула.

– А почему ему так тяжело?

– Потому что он занимается не своим делом...

– Это он так считает или вы?

– Это всем очевидно. Просто он никогда об этом не скажет.

– Почему? Гордый?

Она посмотрела на него с вызовом.

– А вы, между прочим, зря иронизируете. Вы же ни его не знаете, ни меня....

– Ну, так расскажите.

Градов инстинктивно скосил глаза на наручные часы. Кажется, она не заметила. Завершение беседы ему давалось хуже всего, а дамы были все, как на подбор, разговорчивые, и обрывать их на полуслове было как-то не профессионально. Он даже с Филиным консультировался по этому поводу.

– Антоха, не заморачивайся. У тебя для чего часы висят на стене? Смотришь на стену и говоришь задумчиво: вы сейчас сказали очень важную вещь. Вот об этом мы и поговорим в следующий раз. И встаешь. Понял? Главное, не забудь встать. Иначе она будет трендеть еще два часа.

Нынешние пациенты были для психиатра Филина детскими игрушками. Вообще-то он не любил говорить о психиатрии, хотя раньше серьезно ею занимался. Он даже анекдотов про психов не воспринимал. Ему это было не смешно. До определенного момента, о котором он тоже не любил вспоминать.

Это было его дежурство. Филин занимался только чистыми больными, как он их называл. В основном это были шизофреники. Алкоголизм и прочие социальные недуги его не интересовали. Деграция не лечится. Около десяти лет после института Стасик провалялся врачом-ординатором в поисках себя, а потом Филин-старший заставил его оформить соискательство. Для очной аспирантуры было поздно. С материалом тоже обещал помочь: филинского отца уважали и всегда шли ему навстречу. Выбор чистого материала отец также одобрил: с ним куда интереснее и поле деятельности шире. Стасик изучал связь шизофрении и артистического дара. Тема не новая, а вот выводы появлялись новые и самые неожиданные. Некоторые опровергали общепризнанные изыскания. Филин одно время дневал и ночевал на работе, только об этом и мог говорить, Градов даже немного завидовал его фанатизму.

Был у Филина такой больной, Макар Стежкин, молчаливый, застенчивый. Всегда ходил один. Прелесть – а не больной. Его весь персонал любил и другим в пример ставил. Как-то случайно выяснилось, что Стежкин пишет, но никому написанное не показывает. Это был нетипичный случай. Обычно подобный контингент тяготеет к изобразительному искусству. Филин долго искал подходы, и наконец пациент показал ему свою тетрадку. Стасик пришел в восхищение, даже Градову принес почитать. Градов ожидал чего-то мрачно бессмысленного, как картины абстракционистов, но рассказ оказался весьма реалистичным. Суть сводилась к следующему. Соседка по коммуналке Мохова третировала другого соседа, а он ей дал бутылкой по голове. Она и заткнулась. И с тех пор стала тихой.

В тот день после общего обхода Филин попросил привести Стежкина к себе в кабинет. Начал расхваливать его произведение.

– Да вы знаете, Макар, что вы настоящий писатель! У вас стиль есть. Понимаете, свой собственный стиль!

Стежкин улыбался смущенно, прятал глаза.

– Я вам больше скажу. Это чистый Хармс! Вы читали Хармса?

Стежкин напрягся и мрачно глянул на доктора.

– Я вам обязательно принесу его книгу. Расскажите мне, как вам пришла в голову эта идея.

Стежкин отвернулся. В его взгляде промелькнула враждебность.

– Макар, вы не хотите об этом говорить?

– А чего говорить?

– Ну, что вас толкнуло на этот шаг?

– Сука она...

Филин насторожился:

– Кто?

– Мохова...

– Ах, это было в реальной жизни! Мохова – ваша соседка! Ну, это абсолютно не имеет значения. У всех что-то происходит, но не каждый может это описать. Вы со мной согласны?

Стежкин совсем замкнулся, сгорбился на краешке дивана и явно ждал, когда его выпустят.

– Макар, вы, наверное, меня не поняли, вы замечательно пишете. Вам нужно писать дальше, а мы с вами будем это обсуждать.

Стежкин вскинулся.

– Как я писать-то буду?

– А что вам мешает?

Стежкин показал глазами на тетрадку в руках у Филина. Филин рассмеялся.

– Ах это! Так я вам сейчас ее отдам. Все обсудим – и отдам.

– Не хочу...

– Воля ваша, конечно. Но писателю нужно, чтобы его хвалили. Но Хармса я вам все-таки принесу...

– Чего надо-то?!

Все последующее произошло быстро и непонятно. Стежкин в одно мгновение подскочил к столу, поднял бронзовую подставку для печати и быстро опустил ее на голову Филина. Дальнейшие события Филин помнил плохо. Все-таки у него была частичная потеря сознания, и врачи из отделения настаивали, чтобы он понаблюдался пару дней, так как могло быть сотрясение мозга. Что там на самом деле произошло у него в голове, никто точно не знает. Факт тот, что через три дня Филин заявил, что уходит из психиатрии. Видимо, он это как-то так заявил, что даже родители не посмели его отговаривать. Потом, когда он уже смехом об этом рассказывал, Градов с изумлением услышал в его словах настоящую обиду на этого шизофреника. Филин никак не мог понять, почему тот так ответил на его искренние и добрые намерения. Значит, Филин ошибался, он не чувствует людей, а так работать нельзя. После того как выпили, Филин заговорил немного по-другому.

– Главное, Антоха, себя слушать. Я ж давно знал, что мне эта диссертация нужна, как Стежкину писательство. Так нет: папочка, мамочка расстроятся. А надо себя слушать! Вот не послушал и получил. Это меня Боженька подтолкнул.

Через месяц Филин зарегистрировал свое предприятие, а еще через два в Центре появились первые пациенты, вернее пациентки. Сразу стало ясно, что их контингент – женщины. Филин был доволен.

– И приятнее и безопаснее.

* * *

Это уже был третий ресторан за сегодняшнюю ночь. Гремела музыка, и Мансуров постоянно напрягался, чтобы что-то расслышать. Хотя занятие это было бесполезное. Все, включая Славку Черенцова, болтали по-испански, совершенно не заботясь о том, чтобы Сева их понял. У Черенцова получалось довольно ловко, правда, Сева проверить не мог. Тот говорил быстро, но с сильным русским акцентом, однако окружающих это не смущало. С ними были еще три испанца: две девушки и один парень. Славка говорил, что девушки работают в его конторе, а парень – друг одной из них. Он предупредил, что тот гей.

– А она, что, лесбиянка?

– Почему? Нет.

– А что она с ним ходит?

– Я ж тебе говорю: он ее друг.

Севу покорило это Славкино дутое непонимание: мол, он уже европеец, а Сева – чмо совковое. Нашел, кого удивлять. Так и хотелось напомнить ему, что он вовсе даже не

европеец, а филфаковец. И тогда все остальные вопросы отпадут. Но Сева был не в том положении, чтобы ссориться с Черенцовым.

Когда они встретились в Москве после восьмилетнего перерыва, Мансуров его и вправду не узнал, хотя уже через полчаса общения с удовлетворением отметил, что Славка кем был, тем и остался. Сева был убежден, что человек не меняется. Другое дело, кто-то мог не раскрыться, и за ним закрепилось устойчивое мнение, которое очень трудно сломать. Если о ком-то по прошествии лет говорят, что он стал совсем другим, это значит, что человек сумел сбросить защитную шкуру и стал самим собой. Собственно, так и произошло с царевной-лягушкой. Это же одно и то же лицо. Просто ей удалось встряхнуться, и люди посмотрели на нее совсем по-другому. Но это был не черенцовский случай. Тут не было ни шкур, ни превращений. Сева его насквозь видел. Выяснилось, что после распределения оба завязли в школе. Сева вспомнил их тайные собрания перед распределением, когда они вырабатывали стратегию побега из школы в самые кратчайшие сроки. Севе даже больше повезло, вернее мама подсуетилась. Устроила в спецшколу, где ее подруга была завучем. Они тогда всей семьей бурно изображали радость, каждые десять минут повторяли, какая это большая удача, а то вот пошел бы в их дворовую школу – шпану гонять. Сева злился. Это был период самых крупных разочарований. К родителям он испытывал что-то вроде брезгливой жалости. Как они могли так быстро сдать! Теперь они находили оправдания каждой ступеньке вниз, по которым тихо скатывались, и даже не пытались барахтаться. Когда-то он считал отца самым сильным и самым непотопляемым. Как, оказывается, ничтожны люди, и ни на кого на всем белом свете нельзя надеяться. С этого времени он перестал делиться с родителями, но неизменно поддерживал дипломатию, поддакивал и никогда не спорил. Они даже этого не чувствовали, хвалили его за стойкость и уверяли, что все еще будет хорошо. Он неизменно соглашался, кивал, даже когда ему хотелось их ударить.

В школе он завяз, как завязают в любой трясине. Поначалу дергался, ездил по редакциям, заводил какие-то связи. Но все было впустую. От родителей вообще никакого толка не стало, даже наоборот, превратившись в источник раздражения, они тормозили Севино движение. Пытались лезть во все дела, подробно расспрашивали, приходилось врать, а на это уходили силы. Они теперь пугались по каждому поводу, даже мнимому, и Сева, как хороший сын, вынужден был их утешать, придумывать удобные для них небылицы. Главное было уверить их, что он сидит на месте и никуда не рыпается. Тогда они на некоторое время отставали, но со следующей вспышкой подозрительности все повторялось по той же схеме.

Все началось с увольнения отца. Это случилось в девяносто первом. Сева был на пятом курсе. Он уже до этого слышал какие-то смутные разговоры о том, что отцу трудно работать. Так, как он привык, ему не давали, а по-другому он не умел и не хотел. С Севою особо не делились, да ему было не до отцовских проблем. Он выживал. К тому времени он уже смирился с тем, что студенчество далеко от свободы, а лишь новый этап выживания, который надо переждать. Это смирение давалось тяжело. Он постоянно прокручивал историю назад, к тому моменту, когда должно было случиться то, о чем он мечтал, но не случилось. Как бы развивалась его жизнь, если бы все сбылось? Иногда приходили мысли, что все было бы так же и есть что-то другое, мешающее его освобождению. Очень донимал женский коллектив. Эти девочки без единого изъяна были настолько порочны, что он ощущал это физически и иногда даже не мог долго находиться с ними в одном помещении. Они уже давно оставили его в покое. Не издевались, но и не замечали. Но всегда присутствовали рядом, с их запахами, томными движениями, ленивой беспечностью. Все это было ложью, и он купался в ежесекундной лжи. Иногда он искусственно переключался на решение серьезных вопросов. Особо мучили мысли о распределении. Совершенно очевидно, что кроме работы в школе здесь ничего не светило. Это было даже немыслимо представить, как он работает школьным словесником, то есть возвращается туда, откуда он не чаял вырваться, а когда

вырвался, постарался забыть, как страшный сон. В глубине души он знал, что, несмотря ни на что, отец что-то придумает. По-другому просто не могло быть. Занятый своими мыслями, он пропустил сам момент отцовского смещения и даже не сразу осознал, когда ему об этом сообщили. Его отец – больше не главный редактор. Это невозможно было осознать, возникла тупая боль где-то внутри, в том месте, которую, наверное, называли душой. Это была первая настоящая боль потери. А может, и последняя. Потери были, но после первого пережитого разочарования он относился к ним по-другому. Слишком сильно его ударило в этот первый раз, чтобы еще во что-то верить. Первое время главное было привыкнуть к мысли, что отец – не главный редактор. А кто же он тогда? Получалось, что никто, и он всю жизнь просто обманывал. Сева подумал, что и в университете лишился последнего козыря, хотя он уже давно не декларировал, кто у него отец. Само знание давало ему внутреннюю защищенность, служило чем-то вроде охранной грамоты.

Через какое-то время отец сам пришел к нему с разговором. Сева еле сдерживался. Хотя и отец чувствовал себя неловко. Он еще по инерции пытался казаться авторитетным, сибаритствовал, а получалось жалко, как будто тот все время оправдывается. Выяснилось, что газету не закрыли, а перепрофилировали. Теперь она будет трибуном других идей. Отец негодовал.

– Каких идей?! В стране бардак, они сами не знают, что будет завтра. А все пыжятся, фарисействуют, чему-то радуются. Чему они радуются? Что завтра их сковырнут и начнется общий хаос. Подожди, Сев! Долго это продолжаться не может. Все встанет на свои места, и тогда они все у меня ответят!

Сева никогда не подозревал, что отец такой слабый и ничтожный.

– Представляешь, они мне предложили вести новостную колонку.

– А ты?

– Отказался, конечно.

Сева облегченно вздохнул. Хотя в этом ему хватило мозгов. Как ведущий новостной колонки отец ему был не нужен. Он теперь никому не нужен. Врал, обнадеживал, притворялся кем-то. А он никто, букашка, которую раздавили при первом неосторожном шаге. Уже потом, в Испании, когда в России все так стремительно менялось, он понял, что отец просто отказался от игры, где ставка была на миллионы. Именно они, его коллеги, получили настоящий пирог, а Севиному отцу не достался кусок при дележке. Вернее он сам побоялся его взять. Все эти звания, регалии были детской игрой по сравнению с той свободой, которую получили те, которые не испугались. А отец просто трус, ничтожный трус, который сделал Севину жизнь невыносимой. Теперь он должен вымаливать жалкие копейки у нынешних хозяев жизни.

И все-таки при первой встрече Черенцов его удивил. Он не ожидал от Славки такой прыти. Обычно тот хорошо болтал, а до дела никогда не доходило. В школе Черенцов продержался три года. Как продержался, вспоминать страшно. Правда, скопил немного денег на репетиторстве. Спасибо историчке, Настасье Вадимовне, наставила на путь истинный. А была такая тихая баба, казалось бы, всем довольная. Славка первый заикнулся, что ему все обрыдло, а выхода нет.

– Ну, почему нет? Ты что, клятву давал всю жизнь Пушкина и Лермонтова наизусть учить?

Слава с удовольствием объяснил, что он думает по поводу Пушкина и Лермонтова, а заодно и Гоголя.

– Ну, а чего тогда мучиться?

– Так надо ж как-то жить...

– А вот я тебе объясню, как нормальные люди живут.

Объяснение состоялось через две недели дома у Настасьи. Как раз приехал из Испании ее муж, Федор. Рассказывал о стране так, будто там всю жизнь провел.

– Меня там, Слава, каждая собака знает. Да... Чуть что, Федя объясни, Федя помоги. Ну, я тоже не железный.

Настасья степенно кивала.

– Вообще испанцы народ свой. Все понимают... Но, с другой стороны, ни хрена они, Слава, не понимают. Вот поэтому нужны такие, как мы с тобой.

Черенцов немного удивился, но решил пока вопросов не задавать.

– А наши-то чего творят! Слава... Наши-то.... Вот представь себе пачку денег. Представил?

Федор огляделся, схватил со стола толстую пачку салфеток и вложил в Славкину руку.

– А вот теперь кидай ее на пол со всего размаха.

– Эээ! Раскидались... У нас тут прислуги нет. Чай, не в Испании...

Настасья бухнулась на колени и ловко собрала салфетки.

– Вот, представляешь, Слава, чего эти отмороженные творят!

А потом сказал чуть тише:

– А наша задача все это подобрать.

Через два месяца Черенцов уже был сотрудником мадридской фирмы по торговле недвижимостью. Фирма эта, правда, оказалась немного липовой, и поэтому он пять лет боялся выезжать из страны. А потом получил вид на жительство. Для этого пришлось фиктивно жениться. Сейчас-то они уже получили лицензию и масштабы стали другими.

В ту встречу больше ни о чем не говорили, и у Севы остался неприятный осадок, так, будто его поманили конфеткой, а потом сами съели, хотя все это было из другой жизни, о которой даже страшно и противно думать. За границей он никогда не бывал, и пока не хотел. В детстве мечтал, и знал, что это обязательно случится. Отец ездил в соцстраны. Он помнил ожидание его возвращения. Первым делом разбирали подарки, а потом слушали. Отец говорил степенно, без подбострастия, указывал на существующие недостатки. Точно так же он, наверное, вещал с трибуны. Отец всегда оставался самим собой. Сева потом много думал об этом и пришел к выводу, что никогда не знал отца, не знал, какой он настоящий.

Сейчас за границу не ездил только ленивый, да и Сева мог, но он опять выживал. Дело было не в деньгах. Тут как раз родители могли пригодиться, и они даже неоднократно предлагали. Отец до последнего года преподавал экономику в одном из новых коммерческих вузов, получал мало, но они с мамой ухитрялись копить. Мама вообще никогда не работала, где-то числилась, Сева даже точно не знал где, и очень радовалась, когда наконец оформила пенсию. Они занимались тем, что постоянно пересчитывали свой скудный бюджет, пугались, когда что-то с чем-то не сходится, и снова пересчитывали. С тех пор как отца уволили, на их лицах застыли испуг и смирение. Все их радости и горести были связаны с тем, удалось ли что-нибудь скопить. Какими жалкими они бывали, когда Сева срывался и начинал что-то или кого-то клеймить. Они даже становились похожими друг на друга. Оба бледнели, втягивали голову и начинали что-то лопотать шепотом, что-то о том, что все будет хорошо, надо успокоиться и не произносить такого вслух. Они уже ничего от жизни не ждали, лишь бы не было хуже. Даже не заговаривали, что надо бы Севе завести семью и родить им внуков. Может быть, чувствовали, что не стоит об этом заговаривать.

А Сева выжидал. Он все-таки верил, что это очередной этап, который тоже надо пережить. Не может быть, чтобы все было напрасно, так не бывает. Все, что он вытерпел, было для чего-то, только нужно продолжать терпеть. Он знал, что и за границу когда-нибудь поедет, но поедет туда в ином статусе. По-другому она была ему не нужна. Ему казалось унизительным ехать и рассказывать о том, что он школьный учитель. Кому рассказывать, он не очень хорошо представлял, важно было его собственное ощущение.

Черенцов позвонил через два месяца из Мадрида. Сразу предупредил, что надо сосредоточиться и внимательно выслушать все, что он сейчас скажет. Сева попытался пошутить, но тот перебил и еще раз повторил сказанное. Оказалось, что у Федьки уволилась какая-то баба. Вышла замуж и уехала в Марбелью. Поэтому сейчас он рассматривает только мужские кандидатуры. Черенцов, конечно, свое слово сказал, но там уж как Сева себя проявит. На следующей неделе приезжает Мария Хосе, позвонит Севе и отдаст приглашение. Сева хотел уточнить, мужчина это или женщина, но не решился, однако все очень быстро разъяснилось. По легенде Сева учил у нее испанский. Она, оказывается, какое-то время преподавала в Москве.

– Так они меня что-нибудь спросят по-испански...

– Не морочь мне мозги! Кто за месяц что-нибудь выучивает.

Всю ночь после разговора Сева не спал, мешали обида и перевозбуждение. Особенно не давала покоя фраза о том, как Сева себя там проявит. Кто сказал этому недоумку, что он хочет себя как-то проявлять? И вообще откуда такая уверенность, что все хотят куда-то ехать?

Мария Хосе оказалась женщиной, что не вызывало сомнений, однако ее возраст определялся с трудом. Говорила она на плохом русском и явно пыталась кокетничать, но Сева сделал вид, что плохо ее понимает. Потом было посольство, трехмесячная виза и неизбежный скандал с родителями. Сева зачем-то заявил, что едет работать, хотя вполне мог сказать, что его пригласили какие-нибудь школьные коллеги. Сам-то он понимал, что сделал это не только чтобы их позлить. Даже перед ними он не хотел выглядеть неудачником. В конце концов, он действительно ехал работать. В глубине души Сева не верил, что продержится там больше месяца, но не было сил об этом думать. Он решился, и теперь нельзя было останавливаться...

Одна из девушек пошла танцевать с другом геем. Они вскочили на круглую площадку вроде подиума, на которой извивалось еще человека три-четыре. Сева подумал, что девушка уже совсем не девушка и ей хорошо под сорок, а пляшет с семнадцатилетними и чувствует себя как дома, равно как и ее друг-гей. Вообще Сева их всех стеснялся. Ему казалось, что все это не совсем испанцы, а какие-то отбросы, с которыми, будь они русскими, да в родной среде, он никогда бы рядом не сел. Правда, он уже ни в чем не был уверен. Его не покидало подавленное настроение и ощущение нереальности происходящего.

...В первый день его разбудил незнакомый острый и пьянящий запах пряностей и выпечки. Запах доносился из открытого окна, и он понял, что он за границей. Он почувствовал себя таким счастливым, каким бывал только во сне. Это был первый и последний день радости и надежды. Сева прилетел в среду, и ему велели отдыхать и адаптироваться до следующего понедельника. Его временно поселили на квартире у какого-то Семена, о котором он никогда не слышал и который явно не проявлял особой радости по поводу Севиного подселения. Он же и встретил Севу в аэропорту. Самолет прилетел вечером, еще час добирались до дому. Всю дорогу Семен молчал, да и Севе было не по себе, хотелось остаться одному. А когда вошли в квартиру, вдруг стало страшно, что он останется один в чужом помещении, и придут мысли, почему он тут, и надо будет искать какие-то ответы, наверняка неверные, потому что ответов на эти вопросы не существует. Семен сгрузил его вещи в маленькую комнатку типа светелки, с низкой кроватью, застеленной, как в пионерском лагере. Правда, над изголовьем висела фигурка распятого Христа, но она была нестрашная и походила на обычное украшение интерьера. Тогда ему еще показали кухню, холодильник с тремя йогуртами и электрический чайник на шкафчике. Сева лег и в момент уснул, а проснулся утром с теми запахами и неповторимым ощущением. Он встал и спустился на кухню. Семена не было, и без Семена квартира воспринималась совсем по-другому, по-заграничному. И йогурт

был совершенно другой, с другим запахом, вкусом и даже цветом. Он навсегда запомнил вкус этого йогурта, и как он его ел, и был счастлив, и была надежда. Потом он испугался, что теряет драгоценное время, захотелось скорей ступить на улицу и почувствовать себя за границей. Он схватил пачку песет, которую вчера выдал ему Семен в обмен на сто долларов, сказав, что на первое время хватит. Всего Сева привез с собой четыреста долларов. Больше родители не дали, как он полагал, из воспитательных соображений, будучи уверенными, что через неделю-другую он вернется. Сева тогда ничего не сказал, но со злорадной радостью положил этот еще один их поступок в копилку своих бесчисленных обид. Он вышел на одной из центральных станций метро и пошел по улице Алкала. Было жарко, но он не замечал жары. Все время хотелось убыстрить шаг, чтобы наконец достичь чего-то, чего он и сам не знал. В путеводителе он вычитал, что это одна из главных улиц Мадрида, что-то вроде нашей Тверской, но разве ее можно было сравнить с Тверской, по которой, опережая пыхтящие автомобили, неслись куда-то зачумленные людишки. Здесь был праздник. Он поймал себя на том, что мысленно пересказывает родителям все, что видит. Да и привычного раздражения не было. Вот он проходит длинное кирпичное здание, похожее на сталинское, но куда более ухоженное. Первый этаж занимали витрины магазинов со знойными женщинами-манекенами в купальниках всех цветов и оттенков. И цвета здесь были другие, заграничные. Вдоль здания стояли белые пластмассовые столики кафе, за которыми никто не сидел. Он бежал дальше, мимо похожих зданий с похожими витринами и кафе. По дороге ему попался трубач, игравший какую-то типично испанскую мелодию, от которой у Севы заколотилось сердце, и он суетливо вытащил из кармана купюру в двести песет и быстро кинул в шляпу на асфальте. Трубач церемонно поклонился, не прекращая играть, и Сева, смущенный, побежал дальше. Когда почувствовал, что плачет, испуганно заозирался, но прохожие на улицах встречались редко, да и те шли по своим делам и на него не смотрели. Праздно гуляющих почти совсем не было. Он незаметно протер глаза и почувствовал, что все лицо мокрое, да и весь он был мокрый от жары, и очень хочется пить. А вдоль улицы тянулись такие же столики, где белые, где синие или красные, и он подумал, что с его деньгами не может сесть ни за один из них, даже не может заказать бутылку воды. Эта мысль испортила настроение, и он отчаянно пытался вернуть прежнее состояние и из-за этого шагал еще быстрее. Однако ощущение праздника пропало, а досада нарастала, было жарко и мучила жажда. Сам не понимая зачем, он стал заглядывать в лица прохожих, те даже замедляли шаг, полагая, что он хочет что-то спросить. И всегда улыбались. Сева вымученно улыбался в ответ и быстро проходил мимо. Он еще больше разозлился на себя, что не выучил даже элементарных испанских фраз: как куда пройти, сколько что стоит. На что он рассчитывал? Он увидел витрину маленького продуктового магазина и совсем по-детски обрадовался. Почему он всегда так быстро распускается и устраивает трагедии на пустом месте? В магазине не было ни души и прямо у входа стоял холодильник с напитками. Сева быстро прошел к кассе и произнес «кока-кола», самое, с его точки зрения, очевидное для понимания название. Продавщица улыбнулась, рукой показала в сторону холодильника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.